

7wd06

Ответственный редактор: Председатель Монгольской комиссии
академик В. А. Комаров

Редактор издания Н. Н. Поппе

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор А. М. Налетов

Сдано в набор 7 марта 1938 г. — Подписано к матрицированию 31 мая 1938 г.
Подписано к печати с матриц 22 февраля 1940 г.

64 стр.

Формат бум. 70×108 см. — 4 печ. л. 4,49 уч.-ав. л. — 44860 тип. зн. в п. л. — Тираж 500.
Ленгорлит № 395. — РИСО № 681. — АНИ № 324. — Заказ № 485.

Набрано в типографии Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12.
Отпечатано с матриц в тип. им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Предлагае
1927 г. в во
6. Хан-Хэнтэй-у
тэйского аймака
Материал
Всего записано т
Одна из ска
пиле, девушки де
хошуна Хан-Хэн
Остальное —
émgǝ ówǝǝ xojjǝ
batār, édǝǝ bogdo
sānī üligēr, 3) arǝ
Джамбы. Джамб
р. Керулена в нес
И Цеймпиле
и аймачного центр
аратским семьям.
Джамба был
дал творческой фав
от него улигеров,
своими словами. К
хозяйстве не позво
и не позволяла с
и продолжать начат
ток времени. Отсюд
Запись со слов
ской транскрипции,
издании монгольские
транскрипции, приня
ведения Академии Е

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые материалы по восточно-халхаскому наречию собраны осенью 1927 г. в восточной части Монгольской Народной Республики, в степях 6. Хан-Хэнтай-ульского аймака, ныне, после переименования 1931 г., Хан-

тэиского аймака.

Материал представляет собою запись живой халха-монгольской речи. Всего записано три сказки и три улигера — былины.

Одна из сказок («то аллак хатэ ёмгё») записана от халха-монголки Цейм-

ниге, девятики девятнадцати лет, уроженки и жительницы 6. Биндирья-ульского хошуна Хан-Хэнтай-ульского аймака.

Остальное — две сказки: 1) *nэг то бијет, хойлр то саххалт*, 2) «*өртөр саята*

ёмгё оwгё хойлрпн нэг хү...» и три улигера: 1) «*silj gaku batar, aḡik tēnek*

batar, edḡḡ bogdo — tēre gurw'i uliger, 2) *gakha mongol'i xā, wldēy'xī xādaed-*

sāni uliger, 3) *arsalk' caryā xā* — записано от семнадцатилетнего халха-монгола

Джамбы. Джамба — уроженец Хэнтайского аймака; проживая он в долине

р. Керулена в нескольких десятках километров от аймачного центра Ундэр-хана.

И Цеймниге и Джамба оба были неграмотны; за пределами своего аймака

и аймачного центра они нигде не бывали; принимали они к среднеазийскому

азиатским семьям.

Джамба был любителем родной поэзии, фольклора и, несомненно, сам оба-

дал творческой фантазией и хорошей памятью. Как видно из текстов записанных

от него улигеров, он не смущался, забывая стихи, а смело передавал содержание

своими словами. И сожалению, большая занятость Джамбы в своем и отцовском

хозяйстве не позволяла ему уделять много времени рассказыванию для записи

и не позволяла сосредоточиться. Зачастую приходилось записывать перебивать

и продолжать начатое лишь через более или менее продолжительный промежу-

ток времени. Отсюда некоторые пропуски и неувязки в его рассказах.

Запись со слов рассказывающего производилась мною знаками фонетиче-

ской транскрипции, построенной на основе русского алфавита. В настоящем же

издании монгольские тексты переданы знаками латинизированной фонетической

транскрипции, принятой теперь в монголоведческих работах Института востоко-

ведения Академии Наук СССР. Описание знаков и особенностей фонетической

Перевод я стремилась возможно больше приблизить к тексту, что вместе с неопытностью переводчика обуславливает имеющиеся местами шероховатости.

В заключение считаю необходимым отметить, что в процессе подготовки настоящих материалов к изданию я неоднократно пользовалась советами и указаниями проф. Н. Н. Поппе, А. В. Бурдукова и Б. И. Панкратова. Существенную помощь при разборе сомнительных мест в записях оказали мне учащиеся монголы.

Октябрь 1936 г.

ЛЕНИНГРАД

ТРЕЦЫ

1. нэг тō бийт хойир тō сархалт

эртэ урда цагта нэг тō бийт хойир тō сархалт гэгэ баяга.

texin ewr sojote jumсанга. тэмни хугу габтагте jumсанга. хујинд гуיע-
kdex-g¹ i xulа coxor mortoe jumсанга. салхинд гуיעekdex-g¹ i sara coxor mortoe
jumсанга.

texse tere нэг тō бийт хойир тō сархалт: — хана abaxaeg awun! — гэгэ
хујинд гуיעekdex-g¹ i xulа coxor morto unat, texin ewr sojoto gabtulat,
тэмни хугу габтаг¹ i unzulat, гу хөөси мортот яваж waxes. нэг тūlae daertidaж.

texse нэг тō бийт: —
хана abaxaeg abxa гэгэ jawnal — гэгэ xelja.

texdewen tulae:
— secix-g¹ i jumend seciж, ser xugunixe max¹ig baraw-dal —
— baragcik, baexcik camad xama-g¹ i — гэгэ xelox morto texin ewr sojo-
toro olcot, тэмни хугу габтаганда xicxat яваж waxes. bassa нэг унуг дае-
rilaж.

— гал нэг тō бийт хойир тō сархалт хачиж jowa-wae? — гэгэ asuж.

— хана abaxaeg abxa гэгэ jawnal — гэгэ xelja.
— secix-g¹ i jumend seciж, ser xugunixa max¹ig baraw-dal —
— baragcik, baexcik camad xama-g¹ i — гэгэ morto texin ewr sojotoro
olcot, тэмни хугу габтаганда xicxajа. тэгет гу хөөси яваж waxes. нэг cono
jabaj waxes.

— гал нэг тō бийт хойир тō сархалт, хачиж jow? — гэгэ asuж.

— хана abaxaeg abxa гэгэ jawnal — гэгэ xelje.
— secix-g¹ i jumend seciж, ser xugunixa max¹ig baraw-dal —
— baragcik, baexcik camad xama-g¹ i — гэгэ xelot, texin ewr sojotoro
olcot, тэмни хугу габтаганда xicxat, гу хөөси яват, хани oerxo иж яваса.

ханахи: — нэг тō бийт хойир тō сархалт ирл! — гэгэ morto noxoeyo: — ту! —
gess.

noxoën dābxiž irž. tēxlerēn tūlaēγa awat tab'čixsā. tūlaēgin xōgōt jāwčičžā. tēxderēn x'ānār kūrč iržī. bassā ünēg'ig tab'čxāž. ünēgin xōgōt jāwčičžā. tēxderēn xā kūrč iržā. bassā čonō tab'čxāžā. čon'in xōgōt jāwčičžā.

ēdž-ūg'ī xoēγūrīn ēxxēnērīn awat xārīž jāwčičžā. amār sāēxānda žarγāžā.

Записано от жителя Хэнтэйского аймака, халха-момола Джамбы, в сентябре 1927 г.

2. tō allāk šartē emgē

tō allāk šartē tōčγā emgē gēž bāēžā.

allāk šarā alž iddēžā. xabīryānī xuyārxaēg gertēč idēt barāx-g'ī, gadač idēt barāx-g'ī jumsānžā. iddēx xūnīg ēr'ed jāwāžā. nēg šazāγāē dāērīldažā.

emgēnī:

— či xāčīž jāwa-wāē? —

— allāk šarā alž idsē jumsā; xabīryānī xuyārxaēg iddēž barax-g'ī, iddēx xūnī ērīž jāwnā! —

šazāγāē:

— bi očiž idīja! — gēž.

— či jūgin' idxē wā? — gēž.

— bi ōrōsō n'ūdīn ōxnīn cōbdōltē idnā! —

— či iddēž xorōx-g'ī, tus-ūg'ī! — gēž cāēši jāwžā, bassā iddēx xūnī ēr'ed jāwāž. nēg xēr'ē dāērīldažā.

— emgē xāčīž jāwa? — gēž.

— bi allāk šarā alž idsē jimsā; xabīryānī xuyārxaē barāx-g'ā, iddēx xūnīg ērīž jāwān! —

— bi očiž idīja! — gēž xēr'ē.

— či jūgin' idxēw? — gēž.

— ōllū gēddēsni tassārxaēg ōrōsō n'ūdte'n idnā! —

— o, či tus-ūg'ī, xorōx-g'ī imā! — gēž. ža, tēgēt cāēši jāwāžā. iddēx xūnī ēr'ed jāwž. tēxsē nēg mangāt dāērīldažā.

— e-xe-xe-xe, emgē-gūā xāēčīž jāwā? — gēž.

tēxsē:

— allāk šarā alž idsē jimsā. xabīryānī xuyārxaē barāx-g'ī. tā očiž idnū? — gēž.

— e-xe-xe! —

tēgēž mangādīg daγūlat gert iržā. nēgē zawīžārā max'in, nēg zawīžārā jas'in cubūlat iddēčxēž. tēgēt emgēnī ūret jāwžā. jāwāž, jāwāž, nēg moddōn dērē amārč. tēxsē emgē moddō ūrūlčxēž gertē jāwčxāžā. — emēgē gertē bucat jāwāž wāēž. tēxlerēn xoēnōs jāwat bar'āt abžā. bassā ūrēž jāwžā.

ja'waz, ja'waz, ne'gen xaddan dere amaz. texleren xadda urulicex. emge
bucal ja'waz. magat nel'e ja'waz, texse teget:
— emge mini im xundlu, im tar'ansx bilu? — get erget xaz. xadda uret
ja'waz wa'ez.

— al' enget ba'ya ju? —

xadda xajlicxaz bucal ja'waz. emgenig bar'at abz, uret ja'waz, gerte irza.
gerte iret:

— xe-xe-xe! — gez — mini xedex xuxet emgenige bol'oz iderai — gez xelot
ton'nos budu ar'ama osorlot zu'xexa.

— dorosn jixxe gal tul'oz bol'oz iderai — gess.

teget co' gorolxo jaw'sx — anda jaw'iz. tegsnes emge xelza.

— xuxet, jixxe xut'ya awat ali! — gez.

awat ogea.

emge co' cax'alidaz. magadim xuxet:

— toson goziloi! — get doloz.

texsenise sur awat tas ogiloz, teget boz. magat jaw' xuxette imsanza. jaw'
xuxedim alaz, nege jixxe toyo gal deren jaw'at canza — jaw' xuxedim max'ig.

jaw' toloyoegin oron deren tabiz, xonzilowim xuciza. texse bartute jixxe xara
tebsu ba'za. terenid max'in gar'az. teget bar' urda tur' zabsatim zogsot
ba'za. texse oro' bol'iz. texse magat irz.

— xe-xe-xe! — gez — mini xedex xuxet emgenige bol'ot ba'ya-ju — gez.
tegez xelot maxxanasn iddez.

emge:

— icige, icige! xuxedixxe max'ig iddedek! —

— xe-xe-xe! bar' xana man' gor'daz! — get nege xolin olgoz bassa teget

iddez.

emge gertim xoenu garc:

— icige, icige! — gez — xuxedixxa maxxä iddedek!

— xe-xe-xe! xo'lo xana man' gor'daz! — nege xolin olgoz bassa co' iddez.

emge zuntien' garc:

— icige, icige! xuxedixxe maxxä iddedek!

— xe-xe-xe! zu' xana man' gor'lo' jum baex! —

nege xolo olgoz.

emge ud'im soxi — magat xar, xonzilo soxi — jaw' xuxedim toloyo
o'ci. emge xoz — magat. jixxe mosim dere zugta, magat xoz wa'at xaltar
o'ci, salti xar'at. teget magat doro uxexa. emge gerte irza, amar saexanda

gar'az.

3

értēr cagtā émgeŋ ōwgŋ xojjīrīn nēg xū nēg bajjī aēld bāēžā.

bajjīn āēl xolŋ nūx bolžā. tēxlērēn tēr xūd nēg cāē, nēg dālīm, nēg xonī ōgžā. tērē xū xonŋ gōtlōt, cāē dālīm xojjōrō būsēndē gabčūlat xarīž jāwāž wāēsā.

nēg čawγāncā nēg noxoē alāx gēž wāēžā. tērē xū asūžā:

— kōxšī-gūāē, ēnē noxoē alž jāxā wā? —

— minī xōlī-minī iddēxsīm tēgēt bi alāx gēž jumā! —

tēxlērēn tērē xū:

— tā noxoēγō bitēgī alā! bi xonŋ ōgjō! — gēž xēlž tērē xū.

tēxlērēn noxoēγō tabīcxāt, xonīn gōtlōt jāwčīžā. tērē xū xonŋ čawγāncād ōgčōt, cāē dālīm xojjōrō bārāt gūiget jāwž wāēsā.

bassā nēg čawγāncā nēg oxōtnā alāx gēž wāēžā. tēxlērēn tērē xū:

— kōxšī-gūāē, ēnē oxōtnō jāxā gēž alāx gēž bāēγā im bā? —

— minī dēlī-minī ōrčīxs-īmā, tēgēt alāx gēž bāēγā imā! — gēž xēlžā.

tēxsē tērē xū:

— bi dālīm ōgjō, tā oxōtnō bitēgī alā! — gēž.

xēlxēlērēn dālīmīn awāt, oxōtnōγō tabīcxāt jāwčīžā. xū gancxā cāēγā awāt gērtē kūrē iržā.

ēxxēn:

— čī jāxā gēž irwā? — gēž xēlžā.

— tērē āēl manī xolŋ nūx bolŋt irlā — gēž xēlžā.

tēxsē:

— čāmād jōrdō gancxā cāē ōgō-jū? — gēž asūsā.

— nēg xonī, nēg cāē, nēg dālīm — im gurwā jum ōxsŋ. nēg kōxšī nēg noxoē alāx gēž bāēxādān noxoēγō bitēgī alā! gēž xēlsē. tēgēt noxoēgīn tabūlčāt, xonŋ ōxčōt naēšī jāwāž wāēsā. bassā nēg kōxšī nēg oxōtnō alāx gēž wāēsā. kōxšī-gūāē, tā ēnē oxōtnō jāxā gēž alāx gēž bāēγā im? gēž asūsā. minī dēl-minī ōrčīxsē im. tēgēt bi alāx gēž bāēγā jum! gēž xēlxēlērēn: tā oxōtnōγō bitēgī al bi dālīm ōgjō! gēž xēlēt dālīmā ōgčōt irlē gēž xēlsē.

ēxxē ēcēg xojjīrīn ūrūžā:

— tīm sāēxā jīmā tīgēž ōrčōt! — gēž ūrūžā.

šōnī nojjīr-ūg¹, ōddōr xōl-ūg¹, jīxxē ūrūž. nēg ōddōr:

— žīmīst ūlānd garē žīmīs tūž ir! — gēž.

tēxsē tērē xū žīmīst ūlānd očiž žīmīs tūxēksē, žīmīs oldōx-ūg¹ jadāt žīmīst ūl¹ in oroē dēgūr ir teši xarāt jāwāž wāēsā. xarā ēr'ē moyōē, šarā ēr'ē moyōē

xojir nocoldoŝ wäëŝ. tere xojirig ara obortenⁱ tawisar bæyat oddorig barxat kure irŝa.

exxe eëeg xojirin:

— žimis tuŝ ir gexed, žimis tuŝ irex-gⁱ! — geŝ uruŝ. moŝ xol-ugⁱ konuŝat marŝaddrⁱ ogi^o maŝŝi erte žimist uland ociz, žimis tuŝ irexeksë žimis oldox-gⁱ i jadat, ir teŝi xarat ŝogsoŝ wäëŝ.

bari xoënos uxa mortoe, uŝa delte lam kure irŝ.

— camäeg ŝar kuŝu xanäxas kure ir geŝ wäenai — geŝ xelŝa.

tëxeleren tere xunte sundatⁱ ocizä. ŝar kuŝu xapd baratxŝa. ŝara kuŝu xä:

— mini gancä xuni ämind orŝo, säë xüŝ, ci mini jumnas alli durtë ima

awoi — geŝ xelŝe.

— xambayäel ta nad ogi-dö geŝ bæya-bol, nad erxenixë xüŝisig alli! —

geŝ xelŝa.

— camas ondo xënd oxob-da? — geŝ xelot buru xaraŝ uŝaŝ, ŝob xaraŝ

in eŝ tegeret ogcxoŝa.

erxenin xüŝisig awat, onoxⁱ kamaraŝ žimist ul dere butyalŝa. tere cigerä

erte kure irŝ. mol gertxin uŝir-ugⁱ ŝagimŝa. tegerdi moŝ xol-ugⁱ untäŝa. unta-

xⁱya uŝjed tere xü:

— awö iŝi-minⁱ äjjaŝa ŝanäyar duren bobö žimis, osor bucu-gⁱ orog caryä

orog, lawŝ guŝu mal, tim jixxë säëxä jum bæx botnyäel — geŝ sanat, erxenixë

xüŝisig amanda ogⁱxot untäŝa.

ogi^o bossö: awä iŝuŝe äjjaŝa ŝanäyar duren bobö žimis, osor bucu-gⁱ orog caryä orog, lawŝ guŝu mal — ŝaxxanⁱ xaraŝgda-x-g^e, tim jixxë olko mal gertin

töeröt; tim jixxë malte, tim säëxä erte bajji ael bolsö bæŝa.

exxe eëeg xojir xude exxener abö oxŝa. tegeret exxe eëeg xojir burxä bolsä.

xü nège oddor apda mordot jäw-wä. exxenerinⁱ gancaraŝ bæŝ bæxat dolg tangat

kure irŝa.

— erxenin-cinⁱ xüŝisig, alŝa ŝatar möngö ŝatar xojir belⁱ aböirŝ ogot, abu-

jal — geŝ xelŝa.

— tgedäl — geŝ xelŝa.

tëxelerenⁱ alŝa ŝatar, möngö ŝatar xojir aböirŝ ogot, erxenin xüŝisig awaŝ

jäwŝa.

xara xü kure irŝa. xara xü irxlerinⁱ xelŝa:

— alŝa ŝatar, möngⁱ ŝatar xojiros erxenixë xüŝisig oxcxoloi! — geŝ xelŝe.

xara xü uruŝ. tegeret unäcäŝaŝ.

ogi^o bossö: gertixë butiⁱ dotor xara xüŝ gancara untäŝ wäëŝ. töerŝa uŝa

dalaë urasŝa bæŝa. lawŝ guŝu mal, osor bucu-gⁱ orog caryä orog — tedenuđenⁱ

jordö juë ugⁱ! gertixë butiⁱ dotor guŝŝ, deltegeŝ bæŝ bæŝa. gertixë butinⁱ

bari urda lamxi tatat suŝ wäëŝ.

er e moyoe

dat žimist

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

suŝ. mini

alax geŝ.

gm tabul-

koŝt neg

oxolmoyo

nég noxoë güigēt iržā.

— értē urdā naddā nég tus xürgüksē, odō bi čamād nég tus xürgēxēr irlā! — gēž xélžā.

tēxsē bossā nég oxōtnā güigēt iržā.

— értē urdā nad nég tus xürgüksē, bi čamād nég tus xürgēxēr irlā! — gēž xélžā.

tēxsē bossā nég moγoë güigēt iržā.

— értē urdā nad nég tus xürgüksē, bi čamād nég tus xürgēxēr irlā! — gēž xélžā. tigēt dōrwūlē bolōt, moγoë xélžā:

— namaëg oxōtnōtoëγō ōwōrtlōt, noxoëγō unāt usčilāt gar! — gēž xélžā.

tēxsē tēre maḷḷ^{ki} zaxxā tēre barū urd ūlī urdā xarāgdāž bāēγā bāēžā. tēre ōdōl jāwžā. oēr^{xō} očōt moγoë xélžā:

— oxōtnā, či jāwāt dolō tangōdīnd očōt, ērxēnīxī xūisig xāγūrā ōḡ^{xōž} unt^{nā} gēž wāēnū, tērnīn dūḷāt, namaëg baxtaxār nūxxē bōsōγō dōγūrīn garγāčxāt ir! — gēžā.

téxēlērēnⁱ oxōtnā güigēt jāwāžā. moγoëγō baxtaxārā nūxxē garγāčxāt, čāḡīnⁱč bāēsā:

— xēxī, xōxō, urd šōnī či zū xoëγūrā ōḡ^{xōž} unt^{sā}, ōnō šōnī bi barū xoëγūr ōḡ^{xōž} untān! — gēž xélžā wāēžā.

tērnīn dūlēxāt, oxōtnā kūrē irž, moγoëdō xélž. moγoë oxōtnā xojjīr očiž. moγoë xélž — oxōtn^odō:

— bi bōgsōdnⁱ gasxājī, či amān dorīnⁱ baxīrxādnⁱ tossōž awārā! — gēž xélžā moγoë.

oxōtnā téxēlērēn amān dorīnⁱ bāēž wāēžā. moγoë gučīγānīn zabsārār orōt bōgsōdnⁱ gasxāt^{xāžā}. téxēlērēnⁱ baxīrāt ērxēnīxī xūisig aldāčxāžā, oxōtnā amānd oēčižā. oxōtnā toḡ-tonⁱ sandārāt zalīčxāžā. moγoë kūrē irž: —

— zā, abē čadwū? — gēž.

— abxānči awlā, toḡ-tonⁱ sandārāt zalīčxāḷā! — gēž.

— abxānḷi ābsā bolbōḷ zalīxsā-či xamā-g^uī! — gēt xojūḷā xarā xūḡ dērē kūrē irž.

xarā xūḡ urdīxī bāēsā gadžār kūrē irēt untāžā. ōḡlō bossā, urd^uīxī janžār bajjī bolsā bāēžā.

tēgēt

xutūḡ tāwīlx-g^uī max^uīg idēt,

xundūḡ tāwīlx-g^uī ārⁱxīg ūž,

ūlī čīnē max^uīg xurāž,

dalāē čīnē ārⁱxīg abē,

nāēr xūr bolž.

tēgēt amār sāēxāndā žarγāžā.

Записано от жителя Хэнтайского аймака, халха-монгола Джамбы, в сентябре 1927 г.

4. silij gatgu batär, azik ténék batär, edzë bogdö—tère

gurwⁱ i uliger

manäe galwi exxind,

maëdär galwi tuxend,

enel galwi exxind,

exxi galwi tuxend,

suu däläe kalbak bæxad,

sumbur ulig dowo bæxad,

latimci lamⁱ ig

tärn'a butüge-gⁱ bæxad,

iži ulji bæyutisq

erden sumbur ulte,

awⁱ ulji bæyutisq

altq sumbur ulte,

arwq ujjend daxxisq

arci dajanci lamäte,

unusi-gⁱ suwutäkte,

untarsi-gⁱ zulte,

altq sumbur ulⁱ engër dère

arwq xojjir xoto-äel bæzä.

sinj negenⁱ öddör

bari talⁱ äelas

neg xu garzä.

sinj xojjiri öddör

dunda talⁱ äelas

neg xu garzä.

sinj gurwani öddör

zu talⁱ äelas

neg xu garzä.

arwq ujjend daxxisq

arci dajanci lamar

abcirz uya^z, arc'ulz.

bari garⁱ nojji! — get,

— bar'a barixad — säel — get,

— däläed orxod — sang! — get,

— dajjind orxod — colol — get,

— širmī bāššind širē! — get,
 — šinžīl — xūnī tēnek
 šilī galzū bātār gēddēk bāēnā! — gēžā.

dundā tal^aī āēlī xūg uγāž ōgōt:

— bijēr ēdžē bogdō bāēnā! — gēž xēlžā.

zū tal^aī āēlī xūg uγāž ōgōt:

— zū garī nojjī! — gēt,
 — zurī barīxād — sāē! — gēt,
 — daīāēd orxōd — šaŋ! — gēt,
 — dajjīnd orxōd — coīō! — gēt,
 — širmī bāššind širē! — gēt,
 — altā ajjāγānd saxwā! — gēt
 — ažīk tēnek bātār gēddēk bāēnā! gēž xēlžā.

tēget arwā ūjjēnd daxxisā

arčī dajāncī lamā xaržā.

gurwā xū arwā nāēmā nasīg nassālžā.

ēdžē bogdō.

— jixxē sāēxā sūm suwrāk bosγōn! — gēž
 zū šinžēčī cugtūlžā.

zūγās gasāt — arāb boīγōžā,

arwās gasāt — xojjīr boīγōžā.

xojjīr šinžēčī

nēg nēgēndēnⁱ altā tēwēn barⁱulāt jāwūlžā,

nēgēndēnⁱ altā zōs barⁱulāt jāwūlžā.

cād caγā daīāēŋ^kxanⁱ

zax^aīg barⁱulž šinžīžā,

nād caγā daīāēŋ^kxanⁱ

naγūr, caγūr šinžīžā,

ērdēnī sūmbūr ulī

ēn-tēnūgēr šinžīžā,

altā sūmbūr ulī

ēngēr dērē awāčāt bulčāžā.

bassā nōgōdxīn altā tēwīnā barⁱāt

cād caγā daīāēŋ^kxanⁱ

zax^aīg barⁱulž šinžīžā,

nād caγā daīāēŋ^kxanⁱ

naγur, cāγur sinǵiǵā,
erdēnī sūmbūr ūī
en-tēnūger sinǵiǵā,
aktā sūmbūr ūī
eγger derē awacāt gatxāǵā.

gērtē kūrē irtē, marγad-dōrī oγiō maǵǵi ērtē bosōt ēdǵē bogdō gurwūt
oēǵā. oēōt ūdǵēsē: urtū sambāē delexsē gadǵār aktā ǵosō bulat, aktā tēwēnē aktā
ǵosni nuxer gasxasǵā baēǵā.

tērnig ēdǵē bogdō:

— jixxē saē gadǵār wāēnī — gēǵ
jixxē saēxǵ sūm suwūrāk bosyōǵā.

sūm suwūrāk bosyōt,

ussūn talbūr, tāwāt,

mortōē xuy bōǵ ūdǵēxēr,

jābgǵ xuy suǵ ūdǵēxēr

tīm saēxǵ sūm suwūrāk bosyōt,

urdt talī xalyānd

urūt gurīg ǵogsoyōt

urūt gurī sūlnēsēn

ussūnī, ūāmbā tārnig awāt

urūǵsīγu mū-saē sūlmūsūd

āēǵī ǵuxtaǵ jāwēǵā.

barū talī xalyānd

barāt gurīg ǵogsoǵā.

barāt gurī sūlnēsēn

badmī ūāmbā tārnig abǵā.

baǵā mū-saē sūlmūsūd

āēǵī ǵugtaǵ jāwēǵā.

xoēōt talī xalyānd

xonī xurīg ǵogsoǵā.

xoēōlk-gī mū-saē sūlmūsūd

āēǵī ǵuxtaǵ jāwēǵā.

ǵū talī xalyānd

ǵūrīl gurīg ǵogsoǵā.

ǵūrīl gurī sūlnēsēn

ǵurxni ūāmbā tārnig abǵā.

ǵūrīl buri mū-saē sūlmūsūd

āēǵī ǵuxtaǵ jāwēǵā.

usān fāmbār
mūba - naxēlē
ǵepēko

ǵōnōs-on

ǵāmbār bula

20

21

19-19

ǵepēko

tīm sāēxā sūm suwūrāk bosyōt ēdzē bogdō ažik tēnek bātārīg:

— arwā ūjjēnd daxxisā arčī dajāncī lamās: jamār xūnīg awxā, gēž asūyāt
ir! — gēž jāwūlžā.

ažik tēnek bātār xar morīndō xar jingīyā toxōč'ōt, xar narāsū tašūrā
baričxāt, xūrx^u inge ēxxīnd «pōr» xēlekčīksē.

«pōr» xīsē tōsōnⁱ

būg dēlxīg būtečxēžā,

«pōr» xīsē tōsōndnⁱ

amītā tōrč jāwč'žā.

arwā ūjī daxxisā

arčī dajāncī lamās gada oč'ž,

būl-ūg^u baxīrž,

sūl-ūg^u xēllēžā.

arwā ūjī daxxisā

arčī dajāncī lamā

ald altā suddūrig

awūn nēgen būtežā.

— žū xoēt tēwīg

ēdzēlē^kxē tōrōgsō

bał-tómōr xānī

bał-nasū abāxāēg awā! — gēž xēlžā.

tēxderēn mordōt iržā.

— žā, jamār xūnīg awā gēž wāēn-wā? —

— žū xoēt tēwīg

ēdzēlē^kxē tōrōgsō

bał-tómōr xānī

bał-nasū abāxāēg awwāł sāē bāēn gēž wāēnā!

— xēze jowō gēž wāēn-wā? —

— marγāšī ōglō jowō gēž wāēnā! — gēž xēlž bāēnā.

— žā! — gēžā.

marγāddrī ōglō maššī ērtē bosōt ēdzē bogdō, — tēre gurw^u morīnⁱ boł,
tēngērt altā duγ^u šarγāl morī bāēdāk jumsānžā, —

towrūtēxā xazārā bārⁱāt,

bołžōt^u in^k xī bor tołγōē dēre garāt,

dūrāē, dūrāē dałlālžā,

dōrwō ūjjēlūlž gašγāržā.

gurā, gurā dałlālžā

gurbā ujjeluliz gasʔarəzā.
təxsə mortin
owosni serēmünig idēm bāēz
ussuni tungəlägig un bāēz

cäginč.

toljōönoro tojōlsor

tonoso busxasat

sülere tojōlsor

südernese busxasat

kürč irzā.

urjar bāridak-gⁿ1,

uxanar bāridak jumsanzā.

xuīwar bāridak-gⁿ1,

xuwlkʔā uxanar bāridak jumsanzā.

urjar bāridak-gⁿ1

urʔā uxanar bāridzā;

xuīwar bārid-gⁿ1

xublkʔā uxanar bāridzā;

tozwiāxəxə xazari

tolōyōə jund tarulzā;

tümə kangi emel

tussul xiter toxxōzā;

m'angqə kangi xuddurʔig

mira jundn' tarulzā;

datʔə kangi tasuri

dakarān' unzulzā;

napcīn saraṅ gollōmig

nān cān talbulzā;

naraṅ saraṅ dorog

nān cān gīlulzā;

urʔə em'1 xisə

ukə torʔō olkōmig

ukə cāw arān

nəxə, nəxə tatəzā;

nəg xuru sigəxet,

axi, axi tatəzā,

arwə xuru sigəxet tatəzā,

arwə čili ajjind

axəx-gⁿ1 xaxar tatəzā

mōrīṅ^kxō saṅ gadā tabīžā,
 mōrgólīṅ^kxē saṅ gērtē tabīžā;
 zamīṅ^kxā saṅ gadā tabīžā
 zālbīrāx saṅ gērtē tabīžā.
 zū xoēšī mordōt,
 ajar, ajar aḵxālžā
 arūgī činē sēndūl xajjīlžā;
 širū, širū aḵxālž
 šēčīgī činē sēndūl xajjīlž.
 bolžōtⁱ borō toḷyōē dērē garē,
 gaṅ bolōt xētīg
 gancā nēgē cabēčžā,
 galzū šarā tamīxīg
 gančā nēgē tamtāž.
 tamšāsā utān talⁱīg būrxežā,
 amītā tōrž jāwčž wāēžā.

téxsē zū xoēnōs, orōē dērē gančā n'ūdte, nāēmaxā sormōsōkte mangādī
 xūxēt guḷget iržā.

xojjīr bātār:

— xēṅ xūnī ūrē,
 xēt nutūk xānā?
 jamār xūnī ūrē,
 jāwā zorīk činī xēnd? — gēssē.
 dūyarx-gⁱ bāēžā.

tēxēlērēn xojjīr bātār:

— čamāēg dūyarx-gⁱ-bol,
 n'ūddī činī xag gasxān! — gēž xēlsē.
 dūyarx-gⁱā bāēžā.

tēxēlērēn nāēmā sormōsōgīn zuḷyāyāt, orōē dērē gančā n'ūdⁱn xag gasxāč-
 xāžā. téxsē zū xoēšī guḷget jāwčžā. xojjīr bātār xoēnōs, altā bolžīmūr bolōt
 jāwčžā.

téxsē mangādī xūxē tēngēr tuḷum xar obōxoēd očōt orčžā. xojjīr bolžīmūr
 tōn dērē očōt sūyāt xarsā.

arwā tawā toḷyōētē
 atāyālčī xarā mangāt —
 xólīṅ^kxē xumūs
 xódō tešī gačīsā

goxo tomor dege bolsq
gar'ing'xa xumus
gada tes'i gacisq,
gay tomor dege bolsq,
orgox dorwq sojon'
obcun' dere garsq,
urgux dorwq sojon'
urulas des'i garsq —
mangat suz waeza.
onoxi xuxq cin' ocot:

— awa, awal edze bogdintexq iret baensu? — ge3 xelza.

texse tere mangat:
— xe-xe, xo-xo! xq-xq gara-g'um,
xar' golb' tere nu-sae gara-xa-imu!
pam pam gara-g'um,
baxq golb' tere nu
sae gara-xa-imu! — ge3
jamq bur'eg tata3
jambataingq cuykul3,
temen' bur'eg tata3
dergedexig cuykul3,
xonin bur'eg tata3
xoel urdxingq cuykul3.

teget gurwq zu cervite bolot, bandq xar xal3q el3egig usq.
— gurba3 zu cervite bolot tere xojir batat, edze bogdo — tere gurw'ind
oc'xol! — ge3 garat jabsa.

xojir alkq bol3imur edze bogdod ir3i, bolgot'i boro tokyoe dere xel3a:
— onox' xuxq-cin' arwq lawq toloyote atayalci xara mangat' xuxq baensu.
arwq lawq toloyote atayalci xara mangat' gurwq zu cervik dayulat, daedax ge3
kure ire3 jawnal! — ge3 xel3a

xojir batat, edze bogdo gurbulq ximari kungig sergeget suca'ayaz baexa.
texse zu xoenos moy gexeden, moy bisi, ne3 jixxe toso man'ar3. texse arwq lawq
toloyote atayalci xara mangat' turute gurwq zu cervik ir3 jawn3a, kure ir3a.
mangat — edze bogdo, xojir batat, tere gurw'ig:

— xey xuni ure,

xet nutuk-cin' xana

j' wo nutuk-cin' xana

jowo zorik-cin' xende? — ge3 asu3a.

— xēt nutūk:

ērdēnⁱ sūmbūr ūlī ēngēr dērē bāēn!

xēb zōrīk:

bał tōmōr xānī

bał nasā xūx^onīg abxā gēž jāwāž wāēn!

jowō nutūk:

ērdēn sūmbūr ūlī ēngēr dērē bāēn!

jowō zōrīk:

bał tōmōr xānī

bał nasā xūx^oīg abxā gēž jāwāž wān! — gēž xēlžā mangādtā.

mangāt:

— ta gurbātē daētān! — gēžā.

gurbā žū cērīk xojjīr bātārtā bołžōt^oī borō tolyōē ēngēr dērē daētāžā.
 uryūx^uī ulā narnār daētāt ōddōr dund^uī ałdād nēg^oīčī ūldēlgēx-g^uī ałxād kūrē
 iržā — xojjīr bātār.

mangāt ēdzē bogdīg

dab xītēr bārⁱāt nocōldāžā.

mangāt ēdzē bogdō xojjīr

dēd tēbtē od tołōn nocōldāžā,

dundā tēbtē dob tołōn nocōldāžā,

dōdō tēbtē būž ūndēs tołōn nocōldāžā,

arjāwālī ūdēnd

arwā xonōk nocōldāžā,

xonsīm boddīsādī ūdēnd

xorī xonōk nocōldāžā,

žānraēsēgī ūdēnd

žarā xonok nocōldāžā.

mangādīg arāē-caraē ēdzē bogdō dorō xīč wāēyāt, cēžīn dērēn sūyāt, bōsū
 ałāž sūžā.

mangāt baxīržā:

— došxī morīnī čōddōr bołōji!

nomōxō morīnī nogtō bołōji!

altā āmī-minī awārāž xāērīl! — gēž baxīržā.

ēdzē bogdō mangādtā xēlžā:

— āw^aī tūxēnd ūžewēl,

ałāl-g^uī gorī-g^uī!

ižī tūxēnd ūžewēl

ēngēl-g^uī gorī-g^uī! — gēž xēlžā.

arwǝ tawǝ tolyǝgin
arwǝ tawǝ gǝsǝk abǝ xajjǝǝ,
gandǝ xarǝ gedǝgin
gawǝni nǝg abǝ xajjǝǝ,
bucǝx sunǝsin
burxǝ nomǝ-xǝ lamad tusaǝǝ,
ergǝx sunǝsin
ǝrlik nomǝ-xand tusaǝǝ ǝǝǝ.

maxǝn owǝ, cussun dalaǝ urǝsxat, alǝxǝt, xojjǝr batǝr dǝrǝ kurǝ irǝt gur-
butǝ bat tommǝr xani ǝdǝǝ jǝwǝǝ.
bat tommǝr xǝ xǝya dayulǝt gǝrǝǝǝ jǝwǝǝǝ. bat tommǝr xǝ ǝdǝǝ bogdo, xojjǝr
batǝr — lǝrǝ gurwǝǝ:

xǝy xǝni urǝ,
xǝt nutuk xanǝ?
jowǝ nutuk-ǝi xanǝ,
jowǝ gǝrlik-ǝini xǝnd? — gǝǝ asuwa.
— jowǝ nutuk:
ǝrdǝn sumbur ulǝ ǝgger dǝrǝ waǝni!
jowǝ gǝrlik:
bat tommǝr xani
bat nasǝ abǝxǝǝg abxǝ gǝǝ jǝwǝǝ!
xǝt nutuk:
ǝrdǝn sumbur ulǝ ǝgger dǝrǝ baǝni!
xǝb gǝrlik:
bat tommǝr xani
bat nasǝ abǝxǝǝg abxǝ gǝǝ jǝwǝǝǝ baǝni! — gǝǝ xǝǝǝ.

— xand ǝǝ-gǝǝ jǝwǝ,
xarǝ gǝrlik tǝnar mu-sǝǝnd ǝǝ imǝ?
bam-bam ǝǝ-gǝǝ jǝwǝ,
baxǝ gǝrlik tǝnar mu-sǝǝnd ǝǝ imǝ? — gǝǝ xǝǝǝ.
xojjǝr batǝr urǝǝ.
bat tommǝr xanǝg
xojjǝr batǝr
ǝbǝsmǝr — ǝbǝs bǝrlik,
sironǝr — siron bǝrlik alǝyǝdǝǝǝ.
bat tommǝr xǝ baxǝǝǝ: —

— abāyāēgā ōgij! — gēž wāēn.

téxlērēn tábcāžā.

maryād ōddōrī ōglō urγūx^u ulā narnār bał tōmōr xānād očīžāē. abāyāēγā ōgžō, nāēr xurīm bolžā. bał tōmōr xā gadžārindēxī dundā xūrtēr garγāž ōgōt bucāžā.

xojjīr bātār, ēdžē bogdō gurwā abāyāēγā dayūlat gērtē iržā.

xutūg tāwil-g^u max^u ig iddež,

xundūg tāwīl-g^u ar^x ig ūž,

ulī činē max^u ig xurāž,

dałāē činē ar^x xurāž,

jixxē nāēr xūr bolžā.

ōxōnd durt^u inⁱ

ōglō bolž

maxxānd durt^u inⁱ

maryāšī bolž.

jixxē nāēr xūr bolōt

amār sāēxānda žarγāžā

sāē bolōt gūlcēlā.

Записано от жителя Хэнтайского аймака, халха-монгола Дамбы, в сентябре 1927

5. galxā monggōlī xā, ōldēn^x xī xā dāēdsānī ulīgēr

ērtē cagtā ar^u xā ōbōrī xā gēž bāēžā. ar^u xā — galxā monggōlī xā. ōbōrī^x xā ōldīn^x xīnī xā jumsānžā.

ōbōrī^x xā ar^u xānīg alāt, abāyāē xūxēdīn alāt, ajjāgčīnⁱ xūxēnīn aba γāētenⁱ awāt, xojjīr xūn xūnēnⁱ awāt, busūdīnⁱ bułtīg alčāžā. tēget gērtē kūr barānīčīn iržā.

ar^u xānī ajjāgčī xūxē, abāyāē xojjīrīn xūxētē bolžā.

ōbōrī xā xēlž wāēžā:

— ar^u xānī abaxāēγās xū garwāl, arwā nāēmā xūrc ērēcīl xīsē urd alān xūxē garwāl alāx-g^uā. ajjāgčīnⁱ xūxēnēs xūc garsānčī, xūxēnē garsānī alāx g^uā! — gēž xēlž wāēžā.

ajjāgčī xūxē ar^u xānī abaxāēd:

— čamās xū garwāl, xūrxēsēn urd alān gēž wāēn, xūxē garwāl alāx-g^uā ar^u xānī ajjāgčīnⁱ xūxēnēs xūc, xūxēnē garsā alāx-g^uō gēž xēlž wāēnā. čamās xū garāt, nadās xūxē garwāl — xōrōndō xojūlā solīčxān gā! čī bid xojjīrōs xojjī xū garwāl — xojūl xōrōndō solīčxān gā! — gēž xēlčxāt, xēd xonōt bāēγāt xojjī lāngās xojjīr xū garžā. xōrōndōnⁱ solīčxāžā.

xojjir xū arwā dolo xurā. xojnū gos mori unat adu malda jāwat āextar
 sāē xojjir xubūl bāē wāēžā. tēxsē: —odo alax sāxāž bāēal— gēž bodot
 ajjagēl xuxē. arwā tūž jowo jumnik, aruk ūgūlet, sawar warāt ajjagēl xuxē,
 xojjir xug adunda jāwat irē jāwxadān! odošin oōt xēlžā, ar i xani abāyān xūd
 —cāmāēg arwā nāēm xurē, ercīl xisē urd alān gēž wāēsā. ēi odo arwā
 dolo xurōt wāēyā, odo ganexā žil bolbōl arwā nāēmā xurā, tēxeler cāmāēg mod
 alān. ēi alukx-gⁱ arⁱgē odoxē gerte xiwel dērel — gēž xēlžā.
 tēxsē tēre xojjir xū boddōžā, jāwāžā.
 — žū xoēt tēwig edžēlēnxē tōrōgsē caryā owgōnd oōt xēlžā.
 data xēllēwōl jaxxā bol! — gēž boddōž wāēžā.
 nēg oōdōr žū xoēsō, caryā owgōnd oōt xēlžā.
 — nāmāēg arwā nāēmā xurx^{es}-minⁱ urd alān geddek, bi alukx-gⁱ bāēxⁱ
 arⁱgē jātⁱ xiwel dēre wā? — gēž asusā.
 — ēi adunixā tolyōē xojjir morig awat, gāē-gⁱ sāē šawxārāt, marjāddōr
 oōtō ūxxurij^{xē} tolyōē sāē šarⁱg nad abērtⁱg, bi cāmād nēg sāē jum xizⁱ oōtⁱ
 cāmāēg nōgōdōrⁱ gēlō erte alān, ēi nōgōdōr oōtō jixxē erte buyā awat, mori
 unat, gērij^{xē} xoēnō mori xol tuxixcīnⁱ bolot, buyā totōyō dēre barān cīnⁱ amⁱ
 xurūkat tabēxat gerte sužurārā. oōtō ūtius cūyāt, nēgē jixxē nāer bolxō bi.
 tēxeler cī: — adunda oōtⁱ — gēt garxārārā. tēxler cīnⁱ: — cāmāēg xū nāert
 bāēx-gⁱ bol, ēnē nāer jātāt nāērū im boldōk im! gēž xēlēx bi bi. tēxeler
 cī: — adu jāwēnuxes nāer jāwēlx im bisil — gēž xēlēd busūxā garād, buyā
 awat mordot nāēsā gāē-gⁱ šatāmāk žugtarārā! — im ūgⁱg xēlet jāwūlxāžā.
 tēget oōtō xū gerte kūrē irēt, adunixā tolyōē xojjir sāē morig xēlin
 xurē irēt bāēž wāēsā. oōtō erte geddegin xojjir cōxor mori bātāt gērij^{xē}
 xurē xol tuxixcī bolot būgēndā nom sadāyā oīgōcxāt, buyā totōyō dēre amⁱ
 barān cīnⁱ xurūlž tabēxat gerte suž wāēžā.
 tēxsē oōtō ūtius kūrē irēt, nāer xur bolžā. tēxeler tēre xū:
 — adund oōtⁱ — gēt garxā gēžā.
 tēxeler ēēgēn:
 — xū bāēx-gⁱ wol, ēnē nāer jātāt nāērū im boldog im! — gēž xēllēžā.
 tēxeler tēre xū:
 — adu jāwēnuxes nāer jāwēlx-gⁱ oōtⁱ — gēž xēlet busūxā geddek im garat xoē-
 so žugtarāžā.
 tēxler xoēnosonⁱ oōtō ūtius xōžō. žamdanⁱ exxenⁱ dāerlidažā, nēgē unē-
 set xūnⁱ:
 — gara alⁱ — gēžā.
 tēxelerⁱ gara oōtā. erxi xurugīnⁱ tas oōtōž awat jāwēlžā.

ónōx urdīnxīnⁱ cuk jāwāž wāēsā xū xoēnōsnⁱ xoŋo gancārā gūlcēž kūrē iržā.

— ģi minī morī-minⁱ awāt, minī xōloēm minⁱ arīsīg tatāž wāēž cussā gar-
γāčxāt, xojjīr xōlīminⁱ xojjīr gartā-minⁱ xūlcxāt, morī-minⁱ būtāē minⁱ awāt
jowō! bi, namāēg čamāēg gūlcēt barīž abūx-g^ul gēž, namāēg aŋax boŋnō, tēxlēr
ģi-minī būgī minⁱ morīte minⁱ awāt jowō! — gēž xēlžā.

tēgēt bū morī xojjīrīnⁱ awāt jāwāžā.

odō ōwgō dērē kūrē iržā.

ōwgō ūxxūriḡ^xē max^uīg ōngōlcōgōndēnⁱ xīgēt dotōrīnⁱ ēmī tuij xīē ōgōt
nēgē toḡgārāk bilūdēt irīn dērēn xⁱalγās tāwāt ūlⁱēxēd tasār^xar — tīm xurcā
bolγōt gedžēgēndēnⁱ:

— čamād xožīm xērēk boŋxō bī! — gēt gedžēgēndēnⁱ xīgēt šīrcxāžā.

ōwgō ūlī gōxō morīndō ēmēle toxōčⁱōt, xūtēgē xojlūlā mordōt, zū xoēšō
jāwāžā.

— zā, čamāēg ēnē zū xoēšī jāwāxād jixxē ģīgērē jāwāwāl, ģinī zamd gurwā
šōnī gurwā ōddōr jāwōxōlōr ilēgē sarmaē dēltē, xormoēγō xatār šⁱōčxāsā ōwōgō
kūrē irž jāwā xaragdāx bī. tēxsnī bāēčxāt ūl boŋxō bī bi. tēxlērēn tērē jixxē
ūlas xoēγūr garāt jāwāxād nēgē sāēxā gōtūl xaragdāx bī bi. terūgēr dawāt
jāwāxālār cānānⁱ jixxē sāēxā talā bāēx bī. tērēn dundūr jāwāž wāētār jixxē
xoxōr dāērīldnā. tērēn dotōr orōt nēg žaxā untāž boŋnō. tūnē cāēšī jāwāxād ģinī
jixxē cōxōr morī mūxāē āšīlāt jixxē zagīnwāl, ģi tāwīčxārāē. tīgēt ērgēž, xarāž
jāwā āmītānīg bitēgī aŋārā! ģīgērā šulūxā jāwāžūγā. āmītānīg aŋārā! xatāx zam
dērē bāēγā āmītānīg bitēgī taērž garārā, dāērē garē bāēγārā!

ōldeḡ^xīnī nutūgī, gaŋxā moḡgōlī nutūgī žaxād očxōlērē — barū talⁱ tarwāg
ēsēxčēt, zū talⁱ tarwāg gošōxčōt bāēwōl — xojjīr nutūgī žaxād orē irlā gēž
bodōrōē! — gēž xēlēt, ōwgō bucat jāwčīžā.

xū cāēša jāwādī bāēžā.

gurwā ōddōr, gurwā šōnī jāwāt xarž wāēsā: ilēgē sarmaē dēltē, xormoēγō
xatār šⁱōčōxsā ōwgō irēž jāwūžā.

tēxsnī bāēčxāt ūl wolžā. tērē ūlī xoēγūr garāt jābž wāēsā, nēgē sāēxā
gōtōl xaragdāžā. tērē gōtōlōr dawāt jāwāž wāēsā, tērē zū urdōnⁱ nēgē sāēxā
talā bāēžā. tēxsē tērē talā dundūr jāwāž wāēsā, nēg xoxōr dāērīldāžā. tērē
xoxōrt orōt, nēgē žaxā, tašūrā tuŋāt, nēgē žaxā untōž bāēsā.

amsār dēgūrīn oŋlō ūlūs šūgīldāž wāēžā. tēxsēnⁱ ōwgō: —

— zaŋū xūḡ ūlāndā, kōksō xūḡ talda gēssīm! tanār ūlārā bēddērī, bī talda
bēddērī! — gēž xellžūγā bāēžā.

cāt ūlānⁱ ūl ōd jāwčīžā.

tēxlērēnⁱ tēr xū mordōt zū urukšīl žugtažā. gurwā šōnī, gorwā ōddōr jāwāžā.
tēxsē nēgē barā ērgēž xarāž irede barū tēšē dabxīž jāwāžā. tūnēsē cāēša jāwāž

waesq, barani xoenos salmak, salmak tomor munq sult geddek amitiq jawaz
waesq. tunig budat alixazq. teget caesq jawaz waesq.
jixxe coxor morin agsacqadk, zaghnadk baesq. texeleren ondor uli oroé deres
tabicxazq. incayayadk jabicqzq, bucat. teget caesi coxor mor'o unat, xere mor'o
gollot jabé waesq.

gamdani negé bará zogsöyot suz waesq. texse:
— tunig daer'at garxa im! — get, daerxo get öerxq ocsq. tere bará xayara
xixat ucir-ug'i gollodl jawazq.
texse tere bará gollot negé jixxe ergulege ul öd buru erget garq. tere
öwgon' buru ergeq gardak, zob ergeq budak ul imsanq. buru ergeq garat, negé
jixxe xadni xonglior gollot örcibqzq. orodl negé saexq nurié, ussute gadgar ocodl:
— unat! — geqzq.
buyadl untazq. tere bará morin' awat jabicqzq. nöxi baxq untazq untazq bosot
baesq. degurin' okiq ulkus kure iredl:

— öne xad'ni, xonglior negé morin' mor örosq baenal — geqz sugiz waesq.
texleren:
— xadna xonglior ore irwel, bi alixnal! — get buya awat xoeton xonglior
sayayai suz waesq. xoenoson' bará ocot, öno xunici xoestin' tulixcöt garaqz
jabicqzq.
texse gadur:
— cané bar, nané bar bolqz! — bué bicgincil.
teget, tegeyli bará orot, morin' apciré ogea. teget bará gollot garq. uli
oroé dere negé baxq xuni toloyé ölgöte baesq. texse tere bará xuni toloyeg
nuriu tere xun öd xarulat, gadgar uru cunudqzq. texse önoxi öwgoni toloyé
baesq waesq.

— önoq öwgonig alixazq! — geqz buiae gomdöq baesq.
texse önoq bará gollot, zob ergeq buyat önoxi baesq gadgar'ia awacixazq.
teget bar gocerqzq. xü jawat ögqzq.
xü qü tesse jixxe xokko gadgar jawat negé jixxe uli qun dor negé jixxe
gadgar'at tegger tulim xar owoxoe baesq. ndenden' mor'o tusicxat, emele awat.
ndenden' tabicxat oröq jabicqzq.
texse xoenin' negé jixxe sará es'g'i, galinteni — tände negé jixxe sará es'g'i,
guntén negé jixxe sará es'g'i baesq.

baru urdan' bunixa zamaqig sojjoyot kebteq baesq. texse xoetox sará es'-
g'in' neg ixé gat bolot, gurwq sará es'g'i gurwq jixxe gat bolot, dundaxa gat
dere kure irq nilet, neg ixé gat bolqz. texsni baexat, öndör cayq delle xuy
bolqz. texeleren' tere xuni amq xuzü xatq xuzü xojjörin' xin' dundur budacxazq —
nam buyat jabicqzq. texeleren' untazq öxqzq. öglö bosot xarsq: negé xubxae jassa
baesq. innie abci n'ndet xajicxazq. teget caesi jawaz waesq.

gar-

min' awat

no, texler

md gurwq

basq öwöge

gere dawat

ötar jixxe

axxad cini

geqz, xaraqz

xatax gam

ni tarwag

c iria geqz

xormöyö

negé saexq

negé saexq

daqzq. tere

i, bi talda

ör jawazq.

esa jawaz

təxsə gurwə səxə caŋə gər bəžžā. mor^o tabičxat, emelə gertə orulāt, būŋə gər derənⁱ tawičxat orč jəbčičžā. təxsə barū urdīnⁱ nəgə ixə dostoe xarə gəšəgə bəžžā. tūnīnⁱ sōxōt xarsə: xojjīr gōxō-gⁱē xūxə xanānd xūlietə bəžžā. təxsə tere xū tēndə barū xoēnō untāž bəžžā.

orōexə nəg xoldū xūŋ (ūxxesə xūŋ) tēwērāt orč iržā xojjīr maxxāčī.

— nəgə zūlxə xol untāž wāēn! — gēž xēlcet wāēžā.

tūnīn dūlāt kebtēž bəžžā.

təxsə:

— ēn^oūnīg ōnō alāž idxū? ōglō alč idxū? —

nəg^oīnⁱ:

— ōglō alāž idē! — gēž.

nəg^oīnⁱ:

— ōnō alč idē! — gēž.

təxələrən xoldū xūnā ōbčōt čanč idet, jas^oīnⁱ mōlžōt, tēbšīnd xīgēt cāšī tabčxāžā.

xojulə nəgə nəgə səlm bilūdēd, xūnīxə arⁱsīg ōnōxō untāž wāxə xūŋ dēŷūr nōmōrgōt, xojjīr sēžⁱūr dērənⁱ gēbtēt, nəgə nəgə səlmē tolŋoē dorō xīgēt untāžā. ōnōx xūŋ:

— ēnē dorōs jəžī bosxō im bilē? — gēž boddōž wāēžā.

gēb gēntxə ūsūndēnⁱ šīrsə tongārāk sanāgdāžā. tūnīg awāt, tenīlgēt, ōnō xūnī arⁱsīg awāt dērēsē awāt xolō xūrtūr zūssēžxēžā. tēgēt bosōt dērē dērən dorōnⁱ bəēŋə ōr ōsnīxinⁱ dērən dorō xīsə səlmērīn nəg tal dērən gēšīgēt, nəg talārān tas tas dārālčxāžā. tolŋoēnⁱ bōmbōrōt, bōmbōrōt jəbčičžā. tēgēt ōnōxō wāēsə gadzārā untāžā. untāž, untāž, ōglō bosōt ōnōxō būsūgⁱ gēž tabičxat, xojjōr gōxōndōnⁱ šār xānīxə emīg xīgēt, morīndō unūlad, zū tēšī jəwāžā.

tere xūxə xelžā:

— manāē xūšūnd urt^oīnⁱ golī ulā maxxāčī, narī golī ōndōr caŋə čōtxūr gēž im xojjōr āēxtār xēcū āmītāntē bošīmā. manāē xūšū bajjīnč xūšū, ōrgōnč xūšū, jixxēč xūšū jumsə. xūnīnⁱ urt^oī golī ulā maxxāčī, narī golī ōndōr caŋə čōtxūr xojjōrōl xūnīnⁱ iddež dūrēt; malīn čonō iddež dūrēt, ēngēt ūrūgdēx gēž wāēŋə xūšū im! — gēž jarīž jəwāžā.

— manāēxā tere xoētō ōndōr ulī ēngertel bāēsīmsā. namāēg ēnūgēr xonī xai^oulž jəwxād, minī xojjīr gōxōr-minⁱ ganžəŋlāt urt^oī golī maxxāčī awāt jəbčīm! gēž xelž jəwāžā.

tere xū ōnō xūxēnīg būŋāž, morī-gⁱ jəbāŋə ōrxīč^ot gērē ōdēn očižā.

nəgə jixxə caŋə gērēs utā «pōr-pōr» xīž wāēžā. gadān očōt:

— noxoē! — gēssē.

ōrūnⁱ ōbdōgōndō tulsə ēmgē garč iržā.

xūg — nutūk xānū? xā zorīktē jowō? — gēž asūžā.

—bann ur da tēxsē nēg xojir gōxō-gōxō e xuxē xil'etē bacō wana.

butxácaxa —gez xelsé.

—manāḥ xuxenig urt i_n ian

—gæð—xæð—

te^xe^le^reⁿ k^ok^siⁿt^e g^uk x

—ta manāed mori^oz oⁱ bi ene

—bi tamī zingis̄ absnāsā nēg sam

téxélerén guiz jadat nègè sambae batat

ter xing qe xi xix e oio yox .

Xojin tarwag gozoyot, uziy iay iay iay

٢٤٨:

— gal

nu 85

၁၆၁၈

4 TUOS .u.

0X —

၃၆၅

IX —

18X 11X

3 XE13a.

essa.

ED. 1850

0 ————
e e

३४३

11—

— 9 —

٢٤٩

tégēdl untāx ōgžā.

maryāddrī ōglō maššī ertē bosōt ōnōnūnīxī xoēnōs mor'ō unāt jāwāžā.

tērē jixxē ūlī arō dērē nēg caḡā morī xoētō ur'dā xojjīr būrgīn'ī xog būdā-
čaxsā ēmeltā morī baēžā. nēgē jābūḡī xūḡ urugšā jābsā baēžā.

téxēlērēn tērē jābūḡī xūnī mōrōr orōt jābāžā. nēgē jixxē xadān dotōr orē
jābčsā baēžā. tērī mōrōr orōt jāwāt wāšsā. téngēr tulum caḡā gēr baēžā, tūnd
orōd jābčsā. nēg ixē tom ēmgē ōwgō xojjīr baēž wāšžā. orōt:

—bī ēnē xušūnd irsēr unāx sāē morī, xanīlāx sāē ērē bēddērē gurwā žī
boīšā. tanāē sāē xū baēwīl nād xēlž ōgōžā! —gēž xēlsē.

—manāē nēg xarā xū bāēdāk imā. manāē tērē xarā xū ēnē barūntē bāēdag
im. bi čamāēg awācat orūlž ōgjō! —gēž xēlžā.

tīgēt ōnō xarā xū ōwgōnīg daḡād jābžā. ōwgō nēg caḡā gērt orūlž; xoēnōnī
nēg orō baēžā. tūnīg sōxōt nēg xūḡ awāt xajjīčīxsā. dōšī nēg šataē, nūxxē garžā

—tērē nūxōr dōšī jābč! —gēž xēlžā. tērē nūxēr orōt dōšī jābžā. téxsē nēg
gurwā gēr baēžā. dundā tal'ī gērtē orōssā nēg xarā xūḡ:

—nutūk xānū? xāč jāwāw? —gēž asūsā.

—bi ēnē xušūnd unāx sāē morī, xanīlāx sāē ērē bēddērē gurwā žīl boīšā.
tanīg nēg sāē xanīlāx ērē nōxōr jum boīō gēž irsā! —gēž xēlž —bi nēg
ōldēḡ^xnī nēg xānās ēcēgīn^xī ōšīg xar'ūlāgsā gēž jāwā jumsā, tā nād manāē
ēcēgī ōšīg xar'ūlcēž ōgč boīxōsā buīū? —gēž xēlsē.

—bolnō! —gēžā.

téxēlērēn xojūlā nēg nēgē sāē mor'ō unāt, nēgē bogtōsō xoēḡūr tāw'āt barū
tšā ōldēḡ^xnī ōd jābāžā.

ōldēḡ^xnī xoēt ur'dā talārīn xūīs tēmtēržā, xojūlā xoēt ur'dā talārīn jāwā-
xada nēgēndā xēllēžā.

—či ērxī xurū-g^uī xūxē dāērīldwōl bitēgī alārā! —gēž xēllžā.

téxsē xoēt ur'dā xojjīr talārīn xūīs tēmtērēt jābsā.

ērxī xurū-g^uī xūxē dāērīldāžā. tēgēt tērīg bogtōsondō xīgēt awāž jābžā.

xojūlā jāwāt nēgē jixxē ūlī zaxxad xūrē irēt ūlžāžā. ēx^oin garḡāž ōgōt, cāē
čanāž jāwāž, tēgēt untācāḡāžā.

ōglō bossā. tōērōt nēgē baxā cērēk baēžā. ōnōx xarā xū bosōt jābāžā, oīlō
cērīgūdēr gēssēžā. xamōgīn xoētōlt nēgē ōndōr kōxē māēxā baēžā; tūnd orōž
jābčsā. xadā xanzān dērē nēgē cērīgī bātār baēžā. tūnī sīmxiḡīn'ī xarē wāšsā.
žūr^oxnī ēxxīnd sīmxiētē xūḡ baēžā. tūnīg xarāt gērtē xūrē irēt bāēsā.

ussun dērē al'tā saw^aja bārīssā nēg xūḡ irž jowō baēžā. téxsē gūīgēt očižā,
tērē xūn dērē. tērē xūnēsē asūžā:

—či xāčīž jowō-wā? —gēž asūsā.

—tērē bātārīg sērēsē, zaxxadōn'ī ēn sawātē us^aar uḡāč bāēdāk jumā! —gēž
xēllžā.

téxelerén téré xünig alex'at, xublästin ömsöt, ussü-in' bat'at jabbäzä. öcöt us xiz öxcat selmērä gürēxün' ex öd dūrcōt orx'icxäzä. gerte xur' irēt unläzä, tedēndä xell'zä:

—mar'as' bossod nēg nēg žaxä uta bag'at, mäxän' ac'at'at jabcwöl bideñi jabadat butex bi bil — gēz xell'zä.

öglō bossä, mäxänä ac'at'at jabc'zä. téxelerén tendē nēg ixē er'e mäxäx' uldēzä. buštara morde unat öc'zä. téxsē batär üxōt bäzä. téré batär morin' awat, mäxänün' ac'at'at jabc'zä.

odo gerte kur' irēt téré nēg xojjir xaracul bijē bijēnde nēre ög'zä. nēgin' sid'z'ir batär, nēgin' erxim mērgē nēre ög'zō. aeli xon' xulyäe xidegin sid'z'ir batär, ulsusas žugtāz gardägin erxim mērgē.

sid'z'ir batär ajjind jabbäzä. erxim mērgē gerte wäz, ulsus suglidažä. — erxim mērgē, sid'z'ir batär xojjir xey dilsnig alan? — gēz kēlēz bäyā.

bäentä ulsus xēlēdi bäx bolžōe. téxelerén erxim mērgē sid'z'ir watär'ka irēx žamdan' buyā awat kēbtēz wäzä.

sid'z'ir batär' näēmä takda conxōtē žugand orōt, näēmä xünēr damnurōgdulat urto er'e bu öbör dēre xondolō tablicxat mežēm ujsat jabbäz wäzä. téxelerén amä xugū, xatä xugū xojjir'xan' dunda bar'at budäcxäzä. téxelerén sid'z'ir batär' tol'yoē uy'xōrōt jabc'zä. sid'z'ir batär tol'yoēyō bar'z abxä gēz nēg šursn' aldač-xäzä. tigēt būnixan' žamaagin' budat, erxim mērgēni malayäey'xan' orōēg tas budäcxäzä. tigēt sid'z'ir batär üxxēzä.

erxim mērgē nojjō bolot, exxē ēēēginēxē ösig xar'ulat ixē äexat nojjō suyat amar säxändä žaryäzä.

Самецано от жинелая Ханмәңгекеро аймака, аалаша-монгол, Джамбы, в окрестности 1927

6. arsalāq caryā xā

manāe galw' exxind,

maēdār' galw' tūxōnd,

enēl galw' exxind,

exxil galw' tūxōnd,

iž'i ujj'i baēyul'sä

erdēn sūmbur ul'te,

aw' i ujj'i baēyul'sä

atä sūmbur ul'te

arsalāq caryā xā gēz bäčzä.

day caryā mor'tōe

dagur' albatate junsānzä.

daṅsürü albatānⁱ jum-g^ue xosā jumsānžā. šar^ui dajančⁱ lamās ūrdi xūnēs guixā daṅ caṅā mor^o unat, alda šar xaddāg awat iriṅtē bullūgⁱ éxēr, dallāntē bullūgⁱ adāyar, jixxē dalaē zaxar jābāž bāēžā.

xarā ér^ē mélxī, šarā ér^ē mélxī xojjir nocōldāž wāēžā. xarā ér^ē mēllēxī dābxīn uxūt xīž dalaēd orē jābēžā. šarā ér^ē mēllēxī šar^ui dajančⁱ bolōt ūžā.

— ūrdi xūnēs al! — gēž xēlžā.

téxsē:

— dalaēd orē jābēsā xarā ér^ē mēllēx^oig abē ōgūl, ūrdi xūnēs ōgnō! — gēž xēlžā.

— bi xol-ūg^ui morū dalaēd orē jābsā xarā ér^ē mēllēxīg bi jāžī abē ōgxō wā? — gēž xellēž.

téxsē:

— či iriṅtē bullūgⁱ éxxīnd, dallāntē bullūgⁱ adāgt jūrū gurwā altā ul^āsā-dūr jōrū gurwā bužār tolyōē bī. tūnīg abčīrat dalaē dotōr — xajjīrārā gataž, xarā šawārārā urās! — gēt xajjīcxārā, xajjīrārā xataž, xarā šawārārā urāsxā bī bī. xarā ér^ē mélxī dābxīn uxūt xīž garxā bī bī. minī altā całāmī-minī xajjīcxārā; ōsōrlōt irēx bī bī! — gēž xellēžā.

téxēlērēn iriṅtē bullūgⁱ éxēr, dallāntē bullūgⁱ adāyar, jūrū gurwā altā ul^āsā-dērē otēsā.

jūrū gurwā bužār tolyōē bāēžā. tūnīg awat, dalaēd abčīrat:

— xajjīrārā gataž, xarā šawārārā urūs! — xajjīcxā.

xajjīrārā xataž, xarā šawārārā urāsē xarā ér^ē mélxī dābxīn uxūt xīž garžā. altā całāmīⁱ xajjīcxā, ōsōrlōt iržā. šar^ui dajančⁱ lamād awācat ōxēxāžā.

šar^ui dajančⁱ lamā:

— tēngrī tawā dagīnīsīn xamāgī osōγō sāēxā samⁱjar tungālāk abaxāēg ōgnō. či marγaddrī ōglō értē jōrū gurwā altā ul^āsā-dūr kēbtēž wāē. minī altā całāmī-minī awat bāēž ōgōrō. tabā ōng^oi solłōngōnī xamāgī sūlī solłōngōntōē xajjārā! — gēž xēlžā.

téxēlērēn xamāgī sūlī solłōngōntōē xajjīžā, sāēxā samⁱjar tungālāk abaxāēg awat iržā. téxēlērēn daṅ caṅā morīndō sundālēxⁱāt, šar^ui dajančⁱ lamāⁱnd awācat, altā całāmīn awāčīž ōgēxōt, gēr ōdō iriṅtē bullūgⁱ éxēr, dallāntē bullūgⁱ adāyar, jixxē dalaē zaxar gēr ōdō suntār. xarāēlγāž, suntār guīdat gērtē kūrē iržā.

burxānīxā urdā sūlγāt, gurwā šōnī gorwā ōddōr gał tūlž taxxīžā.

téxēlērēn:

— manāē albatīṅ^kxās gurw^ui šōnī gurwā ōddōr gał garlā! jamār ajūl bolō jum? očīž ūžēt ir! — gēž nēg xⁱā jāwūlžā.

tērē xⁱā očōt iržā.

—sarⁱ dajančⁱ kamⁱ tⁱ xas urdⁱ xunēs qutⁱ ocisq. tēgriⁱ tawq dāgnāsin
kamāgi osoyō saēxq samⁱ jar tūgālak abaxāeg oxzā. tūng abčirat burxanixā
urda gurwq sōni, gurwq oddor gal tūiⁱ taxxiⁱ bāyēⁱ jum bāenai — gēz xēlžā.

—ir gel gēz xēlžā.
—xēlžā xⁱ ag:

—cāmāeg ire gēz wāen xambuyāe gēz xēlž wāenai — gēz xēlžā.
—cāmāeg ire gēz wāen xambuyāe gēz xēlž wāenai — gēz xēlžā.

—gā, ci abaxāyā mini urdenⁱ cōxxom boddist xūt-minⁱ oğul boixu? — gēz
—gā, ci abaxāyā mini urdenⁱ cōxxom boddist xūt-minⁱ oğul boixu? — gēz

asusq — bi cāmād osor buci-gⁱ or cayaⁱ oğw, tawq gušū mal tastāz oğjō! —
asusq — bi cāmād osor buci-gⁱ or cayaⁱ oğw, tawq gušū mal tastāz oğjō! —

gēssq.

—boloni — gēzā.

osor buci-gⁱ or cayaⁱ oğw tabq gušū mal tastāz oğot abaxāegniⁱ xūde abč
osor buci-gⁱ or cayaⁱ oğw tabq gušū mal tastāz oğot abaxāegniⁱ xūde abč

oxzā.
tēxsē torⁱ dōrwō tussimel, xalyani mū xarā oğwō siwširin geltežā:
tēxsē torⁱ dōrwō tussimel, xalyani mū xarā oğwō siwširin geltežā:

—urdenⁱ cōxxom boddist xū, saēxq samⁱ jar tūgālak abaxāeg ene xojjirig
—urdenⁱ cōxxom boddist xū, saēxq samⁱ jar tūgālak abaxāeg ene xojjirig

negⁱ inⁱ alnai — gēz xēlžā.
negⁱ inⁱ alnai — gēz xēlžā.

tēxeleren xalyani mū xarā oğwō xēlžā:
tēxeleren xalyani mū xarā oğwō xēlžā:

—manāe xusūni baru urda talⁱg dāenda idcāžā. cērēk mordulsk dawax-
—manāe xusūni baru urda talⁱg dāenda idcāžā. cērēk mordulsk dawax-

gⁱ, tanaē xū mordulxā dawax im genel — gēz xēlžā.
gⁱ, tanaē xū mordulxā dawax im genel — gēz xēlžā.

tēxeleren tēre xūni morinⁱ bol — tēngert alq dnyⁱ sarⁱal mori bāēdag
tēxeleren tēre xūni morinⁱ bol — tēngert alq dnyⁱ sarⁱal mori bāēdag

imsanžā.

bolzotⁱ tuxa borō tolyoē dēre garč,
bolzotⁱ tuxa borō tolyoē dēre garč,

dūraē, dūraē dalkalžā
dūraē, dūraē dalkalžā

dōrwō ujjelulⁱ gasyaržā,
dōrwō ujjelulⁱ gasyaržā,

gūraē, gūraē dalkalžā
gūraē, gūraē dalkalžā

gurwq ujjelulⁱ gasyaržā.
gurwq ujjelulⁱ gasyaržā.

morinⁱ

ōwōsni serēmōnig
ōwōsni serēmōnig

iden bāēz cāginč,
iden bāēz cāginč,

ussūni tūgālagis
ussūni tūgālagis

um bāēz cāginč,
um bāēz cāginč,

šulnere tolyosor
šulnere tolyosor

sūdernešē busxasār,
sūdernešē busxasār,

tolyoenoro tolyosor
tolyoenoro tolyosor

tosnōso busxasār,
tosnōso busxasār,

kurč irž.

urⁱar bariⁱ-ugⁱ i

ură uxānār bār^ž,
 xuiwār bārīl-ūg^ī
 xuwīlγā uxānār bārīž.
 tāwrūtēxā xazarīg
 toľγoē jūndān^ī tarūļž,
 tūmŭ langī ēmēlig
 tūssul xītēr toxxōž,
 žū langī xuddūrγ^īg
 nurū jūndān^ī tarūļž
 dallā langī taš'ūrīg
 dalarān^ī unž'ulžā
 narān sarān dōrōg
 nān cān gēlūlžalžā;
 napčīn sarān gōllōmīg
 nān cān tālb'ulžā,
 žarā kasāk tērgīg
 žāč-g^ī ogsōrōt
 žaxā gancā tērgēnēs
 cangāē bütār ujjačxāt

abāxaēda dōrwō dabxār šir^īmī bāēšī bosγōt tūn dotōr xīgēt cōžīlčxāžā. abā-
 xāē nēg altā bilčīk ōxžā xūdē. xū:

mōrīγ^kxē sangā gada tāw^īāt,
 mōrgōlīγ^kxē saγ gērtē tāw^īāt,
 žam^īγ^kxā saγ gada tāw^īāt,
 žālbīrāx sangā gērtē tāw^īāt
 barū urugšī mordōt jāwāžā.

xūnī toľγoēgīn^ī daļd orxōlōr xālγānī mū xarā ōwgō sēlīm bārž orē iržā.
 xānd:

— utāsī čīnē ulā goľōndō xāērtē jū, ulā žīγsēndē xāērtē-jū — gēž asūsā.

— ulā goľōndō xāērtē! — gēž xēlēt ulā žīγsīg šīrēn dērē tāwīčxāt bossōžā.

tēxēlērēn^ī gendū sambū nērtē nojjō boľōt sūčxāžā. arsālā cayā xānār xāl-
 γānī mū xarā ōwgō xīžā, tōr^ī dōrwō tūššīmēlērēn^ī dōrwō x'ānār xīžā, x'ānārā-
 rān^ī tōr^ī dōrwō tūššīmēl xīžā, dōrwō dabxār šir^īmī bāēšīnī dōrwō taľdān^ī dōrwō
 tēreg čulū owōlžā, tuľūg čilē xāč'ulžā, tuľūm ulā boľγōžā. altā ganžīra xāč'ltār
 gurwā xonog xul'ežā, boľx-g^ī boľxlērīn^ī jābāžā. nisēt xonī mū borōlžōē xū
 dērē očižā.

— үрдән! цоххом боддист ху ьгуниг уххул-г^и ирөвөл ёи хөлчхарә: — чамәәг торлоө гөз дәлд орхолер халыәни му хара өвгө — утәси чине улә голондо хәрте ю, улә ьгунснде хәрте ю? — гөз сөлм бәртз орә ирә. — утәси чине улә голондо хәрте — гөт улә ьгунсө сирен дәрә таблчхат боссә, халыәни му хара өвгө гөндү, самбу нәрте нөйрә болот сусә, авар-чини халыәни му хар өвгө болыа, торі дөрвө туссимелер дөрвө ханарә хисә, ханарар-чини торі дөрвө туссимел болыасә, дөрвө дабхар сирми бәсәни дөрвө тәдә дөрвө тәрөг чулу оволзә, тулуг чилә дөрвө гәндү болыасә, би айтә ганзирә хәлһтар гурвә хонөг хуләгет, болхө-г^и болхөлери би нисет ьгүгөз јавана. ёи үрдән! цоххом боддист хуг ьнүгет ирөвөл нәмәәг: — сарі дајанәи камі дәрә арвә сарә хулиен — гөз бәсәз гөз хөләл! — гөз хөллөз, гөз хөләт нисет јабчзә.

түнес хөсәи үрдән! цоххом боддист ху ьххәз хатәз цоторк-г^и, ьргет нөгә насә јавә вәзә.

нөг ольо ьххәр дәеридәзә.

— јамәр хуни сүрүк мал? јамәр хуни албат? — гөз асузә.

— гөндү самбу нәрте нөйрәи сүрүк мал вәән! — гөз хөлзә.

тегет чаәсә јавәз вәсәз, нөг ольо хоні дәеридәзә.

— га, јамәр хуни сүрүк мал вә? јамәр хуни албат әв? — гөз асузә.

төхөлери:

— ьртә урдә арасәз чарә хани албат јумсә, одо гүндү самбу нәрте нөйрәи албат болот јавәз вәән! — гөз хөлзә.

төхөлери:

— ёи хоніни му боролзөз ху мону? — гөз асузә.

— мөй бәән! та урдәни цоххом боддист ху мөй бәән? — гөз асузә.

— мөй бәән! одо манәхәз јасә би? — гөз асузә.

— таниг торлоө-чин! дәлд орхөләрә халыәни хара му өвгө сөлмә бәртз орә ирә. — утәси чине улә голондо хәрте ю, улә ьгунснде хәрте ю — гөз асузә.

тәхөлери гүндү самбу нәрте нөйрә болот сусә, аво ьзи хольирор чин! болі бол, утәси чине улә голондо хәрте гөз, ьгунсәтә маләләәра тусилөггә дәрә таблчхат босо.

дөрвө туссимелер дөрвө ханарә хисә, торі дөрвө туссимелер дөрвө ханарә хисә, ханарар-чин торі дөрвө туссимел хисә, дөрвө дабхар сирми бәсәни дөрвө тәдә дөрвө тәрөг чулу оволзә, тулуг чилә хәлһтар гурвә хонөг хуләсә, болхө-г^и болхөлери нисет нәд

хәә айтә ганзирә хәлһтар гурвә хонөг хуләсә, болхө-г^и болхөлери нисет нәд ьгүгә ьгүгә хөләт сарі дајанәи камі дәрә — арвә сарә хулиен — гөт јабчзә, онә

би ю, бәәх-г^и ю мөдөх-г^и! — гөз хөлзә.

төхөлери:

— әвә ьзид-мин! битәги хөләрә! — гөз хөлзә.

— ьнүгет јабәз вән гөз — сарі дајанәи камі ирә өцот асузә.

— чарә сам јар туггәләк абәхәә хәсәи јабәз бә? — гөз асузә.

олзөз ху
итә хәлһтар
дан! дөрвө
и, ханарә-
ханар хәл-
ат боссәзә.
з асузә.
орә ирәзә.

зәзә, абә-

— ar^ai gušil zandā modōn dērē arwā sarā xul'en gēž xēlet alī ertēt jāwčisā.
 ǝnō bī jū, g^ui jū mēddēx-g^ui! — gēž xēlžā.

tēxēlerēn ar^ai gušil zandā modōn dērē dābx'āt otčsā.

bāēx-g^ui bāēžā. ar^ai gušil zandā modōnī orōē dērē ald altā bičik bāēžā.
 tērnig awāt ūdzēžā:

— tēngērt gadsā. minī xoēnōs tūrtē morī jāwāt xūrx-g^ue, tōrsū šuwū nisēt
 xūrx-g^ue, xollō gadžār jābsā — gēssē bičik bāēžā.

tūnig ūzēt ūlžā, sūžā.

morinⁱ:

— ollōmō čāngāxā tatāt mordōčxō! — gēž xēlžā.

tēxēlerēn ollōmō čāngāxā tatāt mor'dāčxāžā. tēxsē nisēt tēngērt garāt
 jābēlžā. tēngērt altā xaš'atē mōngō ongocōtē xuddūk dāērildāžā. tūnd mor'd
 uslāt sūž wāēžā.

tēxsē žū xoēnōsō xūrē morī unsā, xūrē dēltē xūxē kūrē iržā. altā saw'a
 bārissā.

— žā xū minī, ēnē xuddūk jamār nērtē xuddūk bī? — gēž asūsā.

— dorōndō nēg abāxāē buzārtāž irsīmā. tūnig uγāž arcīž bāēdāk xuddūk
 imā! — gēž xēlžā.

— bī us ūγāt ōgǝ! — gēž xēlžā.

tēxēlerēnⁱ altā saw'aγā ōxčāžā. us ūγāt dotōrīnⁱ altā bilčigē xīgēt jāwulč-
 xāžā. awāčāt uγāž bāēsā, altā bilčik gēlōs xīgēt ōččīžā. tēxēlerēn tūnig ūzēt:

— ǝnō ōddōrī us absā ajjāgčī jamār xūγ bē? — gēž asūsā.

xūrē torγō dēltē xūxē:

— bī bāēna! — gēž xēlžā.

— čamād ǝnōdōr us abxād činⁱ ussūn dērē xūγ bāēnū? — gēžā.

tēxēlerēnⁱ:

— nanasnⁱ xarxā-im bo! — nadās jixxē bujantē xūγ bāēn, canasnⁱ xarxā im
 bo! — caglāšī-ūg^ui jixxē bujantē xūγ bāēntlā! — gēž xēlžā.

tēxēlerēn:

— tērē xūnī bāēwāl ir gē! — gēž xēlžā — ǝnōxī xūnī ōčōt awād irē! —
 gēž xēlžā.

tēxēlerēnⁱ ǝnōxīnī ōčōt awāt iržā. tēxsē ūrdēnⁱ čōxxōm boddīst xū mōγ
 bāēžā. tēxēlerēnⁱ nēg jixxē nāēr xūr bolžā.

gurwā xonōt morōē irēksē. morinⁱ: ūsūn ūrcīž, jassān jaržāž, n'ūdīnⁱ
 xonⁱx'ōγōt, ūxxūn aldat bāēžā.

— ižīgī minⁱ bāēx-g^uid ižī wolsā, aw'imīnⁱ bāēx-g^uid awā wolsā, altā duγⁱ
 šarāk morī minⁱ jāγā bile? — gēž xēlsē.

— awā ižīgē čī jāγā bāēγā gēž sanāž wāēn wā? čamāēg jāwax-g^ui bo! bī
 jāwāla! — gēž xēlžā.

téxelerén! óc'iz xel'žā: —mori min' usun urcēt, jassan jaržāž, nudin' xoy'x'oyot bāēnal —gēž xel'žā.

téxelerén:

—bi irser xā awā, xatā ižid baralx-g'i bāēya; bi óc'iz ūžājal —gēž xel'žā.

xel'žā.

tēget jāwat ógžā.

darax nar' xug du duižā. xū óc'izā.

—tère bartunte dōwə dabxar širini' tūširi'g dēre sui —gēž.

užen: tūn dēre toglašāž xūnd tēre abaxāēg ógdēk imsanžā. tēre xū sāēxāž

toglašāž. tēre xūde abaxāēya ógžā. tēre xug abāyaēte xojulāž doró orondó, ar'i

gušil gāndāž modon dēre būlyāž ógžā.

oliž xānār ar'i gušil gāndāž modon dēres xū ger ódó tūružā.

—mini xoenos buyu alsāž gadžār ūdlere, suyu alsāž gadžār untarāi —gēž xel'žā.

tiget jāwēl'žā. gerte oerxāž kūrē irēt mor'o getēnde xiget, bor'woro boro

eseg'i cubulāt jāwāž wāēšāž.

gūndū sambu nerte nojžē garē šōž jāwāžā.

—enē unōš dēre jamar mūxiāē āmili' jāwā jum? cāēšin xōc'xoi —gēž xel'žā.

neg x'a kūrē irēž:

—tanig cāēšā jawo gēž bāēnal —gēž xel'žā.

téxelerén:

—ostíōc jum jowo jum, ós-ug'ic jum jowo jum! —gēž xel'ž jāwāžā.

—catxā muci ju gēž bāēn wā? —gēž.

—ostíō jum jāwā ju, ós-ug'i jum jāwā ju! gēž xel'ž wāēnal

—catx'ya nāēš'i irgei —gēž xel'žā, óc'izā.

—cāmaēg nāēš'ir gēž xel'ž wāēnal —gēž xel'žā, óc'izā.

gūndū sambu nerte nojžē:

—žā, ci xac'iz jowo be? —gēž xel'žā.

téxelerén:

—nad jowo-g'i, uže-g'i gadžār bāēx-g'i! —gēž xel'žā,

téxelerén:

—cāmad ūrdēn' cōxxom boddist xū geddēk ūxxēšē galšāž jum ūdžēkde-g'i

biž? —gēž asužā.

—ali' ērtēt jassā, ūxxēšē jassā, usun'ci bāēya gēžū? —gēž xel'žā.

téxelerén:

—jāšā sāē ugetē xum bāi dēš'i sui xoni' tōxōri' xon'ni ūž cānē ógi! —gēž xel'žā.

tèxèlèrèn¹ xon¹ tòxōrč, xon¹nī ūz čānc óxč. xojjír tal¹ jixxě ogtlōt gadžārt unāyat èxxě ècэг xojjōrdō nègě nègērēn awāt óxžā. tèxèlèrēn gundū sambū nérte nojjō:

— ènè xojjír mū bōld jūd abč ógō? — gèž xélžā.

— xā gēmēn — tand ógxō, gasār usūr gēmēn — noxoéd ógxō! — gèž xélžā. tèxèlèrēn¹:

— jāsā ūně ūgētē xū! dēšī sū, xōl id! — gèž xélžā.

tèxèlèrēn¹ dēšī sūyat xōl itčāžā. tīgēt:

— bī untāx āēl bāēnū? — gèž xélžā.

tèxèlèrēn¹:

— manāč bōlīnd očž unt! — gèž xélžā.

tīgēt èxxě ècэг xojjīrīndō očžā. èxxě ècэг xojjīrīn jixxě uīlāžā.

— tārīg jadāk? — gèž asūžā.

tèxèlèrēn¹:

— óglō értē bosō gèž xèlléděk — gèž xélžā.

maryāddūr óglō:

— bōlī bōlūt bosō! — gèž baxīržā — bidnī nar garž wāēn, tārīg nar šingěž wāēn!

tērē xū bosōt, — xāḡānī mū xarā ówgō bāēwōl garāt irē! — gèž xélžā.

āč¹īxā èrxīnd uxūs xīgēt ūxūgīndē orč jābčīžā. èxxēnērīn garāt:

— ālī értēt ūxūtī dāēnd mordsā, ūxxěž, gatāž žāžārō bāčā! — gèž xélžā.

tèxèlèrēn¹ abdārīndā orč jāwčīžā. bassā garāt:

— ālī értēt abdārtī dāēnd mordsā, allāk žīlīk bōlō bāčā! — gèž xélžā.

tèxèlèrēn¹ garāt iržā. tèxèlèrēn èn dērēn¹ bārīž awāt, dōrwō dabxār šir¹mī bāēsī dotōr xīgēt, dōrwō talđān¹ dōrwō tērēg čulū awātč, tuḡā čilē xāēlūlž, tūlūmū ulā bōḡōt alčāžā.

tīgēt awāxāēn¹ kūrč irēt amār sāčxandā žarḡāžā.

Записано от жителя Хэнтэйского аймака, халха-монгола Джамбы, в октябре 1927 г.

с бор

и ки

савра

в две

за по

и по

и шей!

хватил

верблю

П

вает он

и шей!

1 В

ные перев

В кр

ном перево

ПЕРЕВОДЫ

1. РОСТОМ В ПЯДЬ, С БОРОДОЙ В ДВЕ ПЯДИ

В прежние давнее время жил [некто]¹ по прозванию «Ростом в пядь, с бородой в две пяди».

Был у него для прочистки курительной трубки крючок — пот горного козла и кисет [из шкуры с] верблюжьей шен. Был у него ненастигаемый вихрем саврасо-пестрый конь и ненастигаемый ветром желто-пестрый конь.

— Так вот, забегу цуippyу хана! — сказал тот Ростом в пядь, с бородой в две пяди, сего на своего ненастигаемого вихрем саврасо-пестрого коня, заткнул за пояс свой крючок — козлиный пот, привесил свой кисет — верблюжьую шену и поехал на северо-восток.

Повстречался запл и спрашивает Ростом в пядь: — Куда отправился?

Тогда говорит Ростом в пядь:

— Бугу цуippyу ханскую забрать!

На это запл:

— Пожелевши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хлеба

и шен!

— Попибу ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал и тотчас под-

хватил [запла] своим крючком — козлиным потом, запрягал в свой кисет —

верблюжьую шену и поехал.

Повстречалась еще лисица.

— Ну, Ростом в пядь, с бородой в две пяди, куда отправился? — спраши-

вает она.

— Бугу цуippyу ханскую забрать! — говорит.

— Пожелевши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хлеба

и шен!

1 В назрательные скобки заключаются слова, не имеющиеся в монгольском тексте, но внесен-

ные переводчиком для большей ясности.

В круглые скобки заключаются букавальные перевод имен собственных. При этом в букаваль-

ном переводе имена даны только раз, — когда они встречаются впервые.

— Погибну ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал и тотчас подхватил [лисицу] своим крючком — козлиным рогом и запрятал в свой кисет — верблюжьей шее. Затем поехал он на северо-восток. Идет волк.

— Ну, Ростом в пядь, с бородой в две пяди, куда отправился? — спрашивает.

— Еду супругу ханскую забрать! — говорит.

— Пожелавши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хребта и шей!

— Погибну ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал он и подхватил [волка] своим крючком — козлиным рогом, запрятал в свой кисет — верблюжьей шее и поехал на северо-восток. Он ехал, приближаясь к хану.

— Ростом в пядь, с бородой в две пяди приехал! — заговорили люди хана и тотчас же направили своих псов. Псы их прискакали. Тогда он взял и выпустил своего зайца — помчались, преследуя его зайца. Затем подъехали придворные. Опять выпустил свою лису — помчались, преследуя его лису. Тогда прибыл хан. Снова выпустил своего волка — помчался [хан], преследуя его волка.

В отсутствие хозяев, втихомолку он забрал его жену и поехал обратно. В покое и благополучии он наслаждался.

2. СТАРУХА С БЫКОМ, ИМЕВШИМ ПЕСТРИНЫ В ПЯДЬ

Жила-была старуха по прозвищу Точихан. Был у нее бык с пестринами в пядь. Убила она своего пегого быка и стала есть. Обломок ребра и дома ела — не могла прикончить и вне дома ела — не могла прикончить. Пошла искать, кто бы поел. Повстречалась сорока.

— Ты куда идешь? — [спрашивает] старуху.

— Убила своего пегого быка и ела. Обломка ребра не могла съесть. Иду ищу кто бы поел!

— Я пойду поем! — говорит сорока.

— Ты что будешь есть? — говорит.

— Я съем один глаз его с мелкими кусочками жира!

— Ты, поевши, не убавишь! Бесполезно! — сказала и пошла дальше снова искать, кто бы поел. Повстречалась ворона.

— Старуха, куда идешь? — говорит.

— Убила я своего пегого быка и ела. Обломка ребра не могла прикончить. Иду ищу, кто бы поел!

— Я пойду поем! — говорит ворона.

— Ты что будешь есть? — говорит.

— Обрывок тонкой кишки и один глаз его съем!

— О! Ты бесполезна, — не убавишь! — говорит.

Ладно. Тогда пошла дальше; пошла искать кто бы поел. И вот повстречался Мангат.¹

— Э-хе-хе-хе! Почтенная старуха, куда идешь? — говорит он.

— Убила своего пегого быка и ела. Обломка ребра не могла прикончить!

Не пойдете ли вы поесть? — говорит она.

— Э-хе-хе!

Тогда повела Мангата. Пришли они в юрту. Одним уголком рта мясо, другим уголком рта кости — одно за другим съел. Затем он взвалил на спину старуху и пошел. Шел, шел и стал отдыхать у одного леса. Тогда старуха взвалила [на Мангата] дерево и пошла к своему дому. Старуха шла обратно к дому. Так вот, отправился он за нею следом и схватил. Снова взвалил на спину и пошел. Шел, шел и стал отдыхать на одной скале. Тогда старуха взвалила [на него] скалу и пошла обратно. Мангат порядочно прошел и говорит:

— Разве такой тяжелой, такой разжиревшею была моя старуха?!

Оглянувшись, — оказывается идет, взваливши на спину скалу.

— А! Так оказывается!

Кинул скалу и пошел обратно. Схватил старуху, взвалил на спину и пошел. Пришел домой.

— Хе-хе-хе! — говорит он, придя домой.

— Детки мои! Приготовьте старуху да ешьте!

Сказав так, привязал к дымоходу толстый аркан и повесил [старуху].

— Разведите под нею большой огонь, приготовьте и съешьте! — говорит.

Затем сам он отправился охотиться — на охоту пошел. Тогда старуха говорит:

— Детки, дайте-ка большой нож! — говорит она. Подали. Старуха испражнилась, а мангатовы детки стали лизать, говоря:

— Масло потекло!

Тогда взяла она и перерезала ремень и слезла.

Мангат имел пятерых детей. Она убила его детей и, поставив на огонь большой котел, сварила мясо детей. Пять голов их положила на постель и прикрыла одеялом. Так вот, в западной части юрты было большое черное корыто. В него она выложила их мясо. После того она встала в промежутке юго-западной стены. Затем наступил вечер. Тогда пришел Мангат.

— Хе-хе-хе, — говорит, — детки мои, приготовили ли вы свою старуху?

Сказал так и стал поедать их мясо, а старуха:

— Стыдись, стыдись! Пожиратель мяса своих детей!

¹ Мангат — сказочное плотоядное чудовище, питающееся мясом и кровью человека.

— Хе-хе-хе, западная стена моя завидует! — говорит он. Повесил [на стену] одну их ножку и снова стал есть. Старуха зашла с северной стороны дома.

— Стыдись, стыдись! — говорит. — Пожиратель мяса своих детей!

— Хе-хе-хе, северная стена моя завидует! Повесил одну их ножку, а сам снова стал есть. Старуха зашла с восточной стороны.

— Стыдись, стыдись! Пожиратель мяса своих детей!

— Хе-хе-хе, — говорит он, восточная стена моя завидует! Повесил одну ножку. Старуха приоткрыла дверь, — Мангат увидел; приподняла одеяло — головы пятерых его детей скатились. Мангат погнался за старухой. Она бежала по большому льду. Преследуя, Мангат поскользнулся, упал и разбился. Затем Мангат умер. Старуха пришла домой. В покое и благополучии она наслаждалась!

3

В давнее время в одном богатом айле¹ жил сын старика и старухи. Богатый айль должен был далеко откочевать. Тогда дали тому мальчику [за работу] одну плитку чая, один кусок далимбы² и одну овцу. Он засунул за пояс свой чай и далимбу и пошел домой, ведя свою овцу.

Одна чабанца³ собиралась убить свою собаку.

— Почтенная старуха! Зачем убивать эту собаку? — спросил тот мальчик.

— Съела мою еду — за это я хочу убить!

Тогда тот мальчик:

— Не убивайте вы собаку! Я свою овцу отдам! — Так сказал он.

Согласно сказанному им, отпустила свою собаку и пошла, ведя его овцу. Отдавши чабанце свою овцу, тот мальчик схватил чай, далимбу и побежал.

Оказывается, еще одна чабанца собирается убить охотну.⁴

Тогда тот мальчик:

— Почтенная старуха! Зачем хотите вы убить эту охотну?

— Разорвала мой халат — за это и хочу убить! — говорит.

На это он сказал:

— Не убивайте вы охотну! Я свою далимбу отдам!

Согласно сказанному им, взяла его далимбу, отпустила свою охотну и пошла. Мальчик взял свою единственную плитку чая и пришел домой.

— Ты зачем пришел? — говорит его мать.

¹ Юрта.

² Далимба — бумажная материя.

³ Чабганца — буддийская монахиня. Женищина, давшая монашеские обеты, но живущая у себя дома за отсутствием женских монастырей в желтошапочной буддийской секте.

⁴ Охотна — небольшой грызун — пищуха.

— Пришел потому, что тот айль наш должен далеко откочевать! — говорит он.

Тогда спросила:

— Разве тебе вообще одну плитку чая только дали?

— Дали три вещи: одну овцу, одну плитку чая и одну далимбу. Когда одна старуха собиралась убить собаку, сказал, чтоб не убивала свою собаку, затем заставил пустить собаку, отдал свою овцу и пошел сюда! Оказывается, еще одна старуха собирается убить охотну! — Почтенная старуха, зачем хотите вы убить эту охотну? — спрашиваю. — Разорвала мой халат, за это и хочу убить! — говорит. Когда она так сказала, говорю: не убивайте вы охотну, я свою далимбу отдам. Отдал далимбу и пришел! — Так сказал он.

Мать и отец его рассердились.

— Такие хорошие вещи и так израсходовал! — так сердились они. Ночью без сна, днем без еды — очень сердились. Однажды они говорят:

— Пойди на ягодную гору — набери ягод!

И вот тот мальчик отправился на ягодную гору собирать ягоды. Ягод он найти не мог и пошел, глядя на острия вершин ягодной горы. [Там] вцепились друг в друга чернополосатая змея и желтополосатая змея. Растаскивая тех двоих на южную и на северную стороны горы, он потратил весь день и вернулся. Мать и отец его рассердились.

— Велели набрать ягод, а ягод не набрал! — говорили они. Так же без еды оставили ночевать. На следующий день очень рано утром он отправился на ягодную гору, собирать ягоды. Ягод он найти не мог и остановился, глядя на острия гор. С северо-запада приехал на кауrom коне лама¹ в красном халате и сказал:

— Приглашаю тебя от имени Шара Лусун хана (хана желтых драконов)!

Тогда он поехал сундалой² с тем человеком. Представился Шара Лусун хану. Шара Лусун хан сказал:

— Ты хороший человек; спас жизнь моего единственного сына. Бери что хочешь из моих вещей!

— Хан-батюшка! Если собираетесь мне дать, то дайте четочную головку! — так сказал он.

— Кому же, кроме тебя, отдам!? — сказал [хан] и, отвернувшись, заплакал, прямо посмотрел — засмеялся. Затем отдал. Он взял четочную головку³ и, спустившись при помощи давешнего ламы на ягодную гору, напрямик пришел домой.

¹ Лама — буддийский монах.

² Ехать сундалой — значит ехать вдвоем на одной лошади, сидя верхом друг за другом.

³ Самый крупный шарик в четках.

Домашние точно так же беспричинно проявляли характер, и точно так же без обеда он заснул. В момент засыпания тот мальчик пожелал:

— Печения и фрукты, наполняющие чашки и ковши отца и матери! Совершенно белый дворец без вязок и веревок! Пять видов скота! — Да будут такие прекрасные вещи!

Взял он в рот четочную головку и уснул. Утром встал — печение и фрукты наполняют чашки и ковши отца и матери, совершенно белый дворец без вязок и веревок, а края [стад] пяти видов скота невидимы — так много скота окружает их дом. Таким богатым, многоскотным, имеющим такой красивый дом, стал айль. Мать и отец взяли своему сыну жену. Затем мать и отец скончались. Однажды юноша уехал на охоту. В то время как жена его была одна, прибыли пять тангутов.

— Отдадим наличными золотые шахматы и серебряные шахматы, а четочную головку твою возьмем! — так сказали они.

— Ладно! — говорит.

Согласно сказанному принесли и отдали золотые шахматы и серебряные шахматы, а четочную головку взяли и поехали. Приехал юноша. Как только юноша приехал, она сказала:

— Отдала четочную головку за золотые шахматы и за серебряные шахматы! — так сказала она.

Юноша рассердился. Затем они легли спать. Утром встал — кругом струится красное море, а пяти видов скота, чистобелого дворца без вязок и веревок, того вообще ничего нет. Находился он на месте дома, покрытый своей шубой. Оказывается, на месте стойбища один юноша спал.

Сидит он на юго-западной стороне того места, где был дом, и курит. Прибегает собака и говорит:

— Прежде давно мне одну услугу оказал, теперь я пришла тебе услугу оказать!

Затем еще охотна прибежала и говорит:

— Прежде давно мне одну услугу оказал, и я пришла тебе услугу оказать!

Затем прибежала еще и змея и говорит:

— Прежде давно мне одну услугу оказал, и я пришла тебе услугу оказать!

Итак, стало четверо. Змея сказала:

— Меня и охотну свою положи за пазуху, а на собаку сядь верхом и переплыви! — так сказала она.

Тогда оказалось: южнее юго-западной горы виднеются края [стад] того [исчезнувшего] скота. Туда и отправились. Когда приблизились, змея сказала:

— Охотна! Ты пойд! Когда придешь к семи мангутам и услышишь у них, где они собираются спать, взяв в рот четочную головку, то проделай под их порогом вмещающее меня отверстие и приходи! — сказала она.

Тогда охотна побежала. Она проделала вмещающее змею отверстие и стала подслушивать.

— Хе-хе, хо-хо! Предыдущую ночь ты спал на северо-восточной стороне, положив в рот, а эту ночь я буду спать на северо-западной стороне, положив в рот! — так говорили.

Услышав то, охотна прибыла и сказала змее. Змея и охотна отправились. Змея сказала охотне:

— Я ужалою его в заднюю часть, а ты, когда закричит, около его рта прыгни навстречу и схвати [четочную головку]! — так сказала змея.

Охотна, как было сказано, поместилась у рта [мангута]. Змея проникла через щель его одеяла и укусила в заднюю часть. Тогда он закричал и потерял четочную головку; она скатилась в рот охотне. Охотна совсем засуетилась и проглотила. Прибыла змея.

— Ну, смогла ли взять?! — говорит.

— Взять-то взяла, да сильно засуетилась и проглотила! — говорит.

— Если взято, то хоть и проглотила — ничего! — говорит.

Вдвоем они пришли к юноше. Юноша прибыл на то место, где прежде был, и уснул. Утром встал — попрежнему богат стал. Тогда стали мясо есть, не покладая ножей, вино пить, не отставляя чаш. Величиной с гору мяса наготовили, величиной с море вина взяли. Настал пир — веселье, и в покое и благополучии он блаженствовал.

4. СКАЗАНИЕ О ШИЛИН ГАЛДЗУ БАТОРЕ, АДЖИК ТЭНЭК БАТОРЕ И ЭДЗЕНЕ БОГДО

В начале нашей калпы,¹

В предначертании калпы Майдари,²

В начале этой калпы,

В предначертании первоначальной калпы,

Когда море Сум³ было лужей,

Когда гора Сумбур⁴ была бугорком,

¹ Калпа — мировой период. По буддийским воззрениям, мир периодически возникает и разрушается. Калпа представляет собою период от возникновения до разрушения мира.

² Майдари — санскритск. Maitreya — бодисатва, который в будущем периоде сделается буддой.

³ Море Сум — сказочное море, вода которого похожа на молоко.

⁴ Гора Сумбур — гора Сумеру. Мифический центр земли. Понятие об этой горе принесено из индийской космологии.

Когда лама-заклинатель
 Не завершил еще своих заклинаний —
 На южном склоне золотой горы Сумбур
 Было двенадцать стойбищ-айлей.
 Они имели драгоценную гору Сумбур,
 Воздвигнутую в материнский век.
 Они имели золотую гору Сумбур,
 Воздвигнутую в отцовский век.
 Они имели десятью поколениями чтившегося
 Арчин Даянчи ламу (ламу отшельника-созерцателя).
 Они имели нерушимый субурган¹ и
 Неугасимую лампаду.

отшельник
 ↓
 Арчин(ин)
 < ринчи

В первый день новолуния в западном айле родился мальчик. Во второй день новолуния в срединном айле родился мальчик. В третий день новолуния в восточном айле родился мальчик. Десятью поколениями чтившийся Арчин Даянчи лама, будучи привезен, обмыл и отер [их]. Вымыв мальчика из западного айля, он подал и сказал:

— При захвате добычи — благополучие!
 При вхождении в море — превосходство!²
 При нападении на врага — слава!
 Престол в чугунном байшине!³
 Предводитель правого крыла!
 Если присмотреться — простачек среди людей,
 Именуемый Шилин Галдзу Батор (сумасшедший богатырь Шилин)!
 Вымыв мальчика из среднего айля, он подал и сказал:
 — Сам Эдзен Богдо (святой повелитель).

Бадар Сумбурхан

Вымыв мальчика из восточного айля, он подал и сказал:

— При захвате дичи — благополучие!
 При вхождении в море — превосходство!
 При нападении на врага — слава!
 Престол в чугунном байшине!
 В золотой чашке палочки для еды!

¹ Субурган — сооружение своеобразной архитектурной формы; ставится буддистами или как помещение для мошей или как памятник в честь какого-либо выдающегося религиозного события.

² Слов «šaɣu» (в монгольском тексте) переводится словом «превосходство», исходя из предположения, что оно заимствовано из китайского языка: 上

³ Байшин — строение, дом.

Предводитель левого крыла —

Именуемый: Аджик Тэнэк Батор (наблюдательный простачок — богатырь)!

Затем десятью поколениями чтившийся Арчин Даянчи лама возвратился домой.

Три мальчика достигли восемнадцати лет.

Эдзен Богдо, намереваясь построить очень красивый храм, собрал сто гадателей. Из ста отобрав, десятерых оставил; из десяти отобрав, двоих оставил. Одному из двух гадателей он дал золотую иглу и отправил, другому он дал золотую монету — дзос и отправил.

[Один из гадателей] взял, обследовал дальний берег Белого моря, тут и там обследовал ближний берег Белого моря, тут и там обследовал драгоценную гору Сумбур: на южный склон золотой горы Сумбур принес [монету — дзос] закопал.

Также и второй: взяв свою золотую иглу, взял, обследовал дальний берег Белого моря, тут и там обследовал ближний берег Белого моря, тут и там обследовал драгоценную гору Сумбур; на южный склон золотой горы Сумбур принес [золотую иглу] и вколол. Вернувшись домой, они на следующий день стали очень рано утром и отправились втроем — с Эдзеном Богдо. Они пришли и увидели: на месте, где расстилается длинный самбай,¹ зарыта золотая монетка — дзос, а золотая игла, оказывается, вкололась в отверстие золотой монетки — дзос.²

Про это Эдзен Богдо сказал: — Очень благоприятное место! — и построил очень красивый храм. Построив храм, он установил водяную подставку.³ Всадник войдет, засмотревшись, пеший сядет, засмотревшись — такой красивый храм он построил.

На южных воротах он водрузил искусно сделанного дикого козла. От хвоста искусно сделанного дикого козла он принял водяное благословение — заклинание, и беспомощные скверные бесы устрашились, убежали.

На западных воротах он водрузил барса и дикого козла. От хвоста барса и дикого козла он принял благословение — заклинание лотоса, и мелкие скверные бесы устрашились, убежали.

¹ Самбай — бумажный «хадак» без украшений.

Хадак — тонкие, большей частью шелковые платы разной длины и величины, подносимые в знак почтения, приветствия, дружбы, поздравления и пр.

² Монетка дзос имеет в центре своем квадратное отверстие.

³ Очевидно, нечто похожее на аквариум. Изображения сосудов разной величины и формы, наполненных водой, с плавающими в них рыбами, водяными птицами и др. мы встречаем на монгольских и тибетских буддийских картинах.

28 На северных воротах он водрузил овцу и ягненка, и безвозвратные скверные бесы устрашились, убежали.

36 (там же) 113 На восточных воротах он водрузил козулю и дикого козла. От хвоста козули и дикого козла он принял заветное благословение — заклинание, и всевозможные скверные бесы, устрашась, убежали.

Такой красивый храм построил Эдзен Богдо и послал Аджик Тэнэк Батора, сказав ему:

44 — Спроси у десятию поколениями чтившегося Арчин Даянчи ламы кого взять [в жены] и приезжай.

Аджик Тэнэк Батор заседлал своего вороного коня своим черным седлишком и схватил свой чернососновый кнут. Он подъехал так, что [пыль] всклубилась. Клубившаяся пыль его заполнила всю вселенную, в клубившейся пыли его живые существа блуждали. Поместясь вне дома десятию поколениями чтившегося Арчин Даянчи ламы, он, не слезая, прокричал, не садясь, проговорил.

Десятью поколениями чтившийся Арчин Даянчи лама взял свою саженную золотую книгу — сутур, раз прочитал и сказал:

Бурин-Ансон — Бери Бал Насун, дочку Бал Тумур хана (могучего железного хана), рожденного управлять северо-восточным материком!

Тогда поскакал [Аджик Тэнэк Батор] и прибыл.

— Ну! Кого велел взять?

Бал-ид Бал-дурган-нагир-и — Хорошо, сказал, если бы взял Бал Насун — дочку Бал Тумур хана, рожденного управлять северо-восточным материком!

— Когда велел отправиться?

— Завтра утром велел отправиться! — говорит.

— Ладно! — говорит.

На следующий день Эдзен Богдо встал очень рано утром. Что касается коней тех троп [богатырей], то пребывали они на небе [называясь] Алтан Дугуе Шаргал Мори (красночальный конь — золотая дуга),

31-36. Взяв свою уздечку с резными бляхами, [Эдзен Богдо] взошел на условленный серый холм. Он помахал рукою и четырежды прокричал, помахал рукою и трижды прокричал.

101-107. Тогда конь его, поедая вершинки трав и выпивая прозрачность вод, прислушался и прибыл, играя своей головой и поднимаясь от пыли, играя своим хвостом и поднимаясь от своей тени.

Был он неуловим для укрюка, но уловим помощью разума. Был он неуловим для петли укрюка, но уловим помощью хубилганского¹ разума.

Не ловил [Эдзен Богдо] укрюком — поймал помощью разума. Не ловил петлею укрюка — поймал помощью хубилганского разума.

¹ Хубилган — воплощенец, перерожденец.

неб. (108-130)

Уздечку с резными бляхами он приладил к головке. Десятитысячное седло так вскинул, что шлепнуло. Тысячеланную потфею он приладил к его полному у. Семидесятиланый кнут он повесил вдоль его лопатки. Чепрак [с узорами] тьев и луны он по ту и по другую сторону заставил положить. Лунное солнечное стремя и по ту и по другую сторону поблескивали. Красную кожаную подпругу, сделанную искусной женщиной, сжимая и сдавливая, он тянул через его красные подмышки; он вдавил один палец — еще, еще затынул, он вдавил десять пальцев и затынул, он затынул так, что десять лет пути страшны.

Путевое воскурение он вне дома поставил, а воскурение молитвенного клонения он в доме поставил. Дорожное воскурение он вне дома поставил, молитвенное воскурение он в доме поставил. Он поехал на северо-восток. Тихоньку [конь] переступал — величиной с корзинки для топлива кочки подбрасывал; быстро-быстро переступал — величиной с корзинки для выюков кочки подбрасывал.

Въехав на условленный серый холм, он только раз ударил стальное огниво, только раз курнул желтый, бешеный табак. Накуренный дым заполнил всю долину, и живые существа ходили, блуждая.

Тогда с северо-востока прибежала дочка Мангата, имевшая на макушке головы один глаз с восемью ресницами.

— Чей потомок и где родное кочевье? Чей потомок и к кому ты держишь? — говорят два богатыря. Осталась беззвучной.

— Если ты будешь молчать, выколем твой глаз! — говорят два богатыря. Она осталась беззвучной.

И вот, выдернув ее восемь ресниц, они выкололи единственный глаз на макушке головы. Тогда она побежала на северо-восток. Два богатыря отпирались за нею, обратившись в двух золотых жаворонков. Затем дочка Мангата вышла к черному шалашу, подпиравшему небо, и вошла. Два жаворонка сели на дымоход и смотрят: сидит пятнадцатиглавый Атахальчи Хара Мангат (Атахальчи черный Мангат). Ножные его ногти скрючились в стороны и стали синими, железными крючьями, а ручные его ногти скрючились кнаружи и стали стальными крючьями. Четыре восходящие клыка его выше губы вышли, четыре возносящие клыка его на грудь вышли.

Давешняя девица-то прибыла и говорит: — Отец! Отец! Ведь Эдзен-Богдовские приехали!

Тогда тот Мангат:

— Хе-хе, хо-хо! Ханы [меня] не превзошли, а эти чужие, скверные бродяги разве превзойдут? Ваны не превзошли, а эти ничтожные, скверные бродяги разве превзойдут?! — сказал он и, протрубив в козлиную трубу, собрал

неб.

130-136

137-140

(узел дурман - неб.)

152-

155

165-

169

(ср. 160-164)

170-3

(171-172)

Ного неб.

(Атахальчи хар. м.)

Ного неб.

Ного

Ного неб.

свою знать, протрубив в верблюжью трубу, собрал своих близживущих [подданных], протрубив в овечью трубу, собрал своих северных и южных [подданных].

Тогда оказалось, что у него триста воинов. Сел он на скамьеобразного черного с белой шерстью на лбу осла и выехал со словами:

— У меня оказалось триста воинов. Отправлюсь к тем трои: тем двум богатырям и Эдзену Богдо!

Два золотых жаворонка прибыли на условленный серый холм к Эдзену Богдо и говорят:

— Давешняя девица твоя ведь дочка пятнадцатиглавого Атхальчи Хара Мангата! Пятнадцатиглавый Атхальчи Хара Мангат ведет триста воинов и приближается, чтоб воевать! — так говорили они.

Два богатыря и Эдзен Богдо сидели все вместе, выставивши реять по ветру свои химори.¹

И вот на северо-востоке, то ли так, как они рассказали, то ли нет, но большая пыль замглилась. Затем стали приближаться и прибыли триста воинов во главе с пятнадцатиглавым Атхальчи Хара Мангатом. Мангат спросил их троих — Эдзена Богдо и двух богатырей:

— Чьи потомки и где родное кочевье? Где кочевье, откуда едете и куда держите путь?

— Родное кочевье находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея главной целью забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! Кочевье, откуда едем, находится на южном склоне горы Сумбур! Едем, имея целью пути, забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! — говорят они Мангату.

— С вами троими буду воевать! — говорит Мангат. Триста воинов сразились с двумя богатырями на южном склоне условленного серого холма. Сразились они при красном восходящем солнце, а минул полдень, и прибыли два богатыря, убив [всех], ни одного не оставив.

Мангат набросился на Эдзена Богдо, и они схватились. В верхнем мире Мангат и Эдзен Богдо схватывались столько раз, сколько звезд насчитывается; в среднем мире они схватывались столько раз, сколько холмов насчитывается; спустившись, в нижнем мире они схватывались столько раз, сколько корней насчитывается. У дверей Арьявалы² они десять суток боролись. У дверей Хоншим бодисатвы³ они двадцать суток боролись. У дверей Джанрайсика³ они шестьдесят суток боролись. Еле-еле Эдзен Богдо поверг вниз Мангата, сел ему на грудь и сидел, убивая вшей. Мангат закричал:

¹ Химори — флажки с изображением коня, приносящего счастье по поверию ламаистов. В буквальном переводе с монгольского «химори» значит «воздушный конь».

^{2, 3, 4} Арьябало, Хоншим бодисатва, Джанрайсик — это различные названия (санскритское, китайского происхождения и тибетское) одного и того же бодисатвы, обычное, санскритское имя которого Avalokiteṣvara.

нет жаворонка
и не было
богатырей. (144-232)

Два
нет.

(144-232)
богатырь
и не было
богатырей.
277-
278.

— Буду путами для свиреного коня, буду недоуздом для смиренного коня! Сохрани! Пожалей золотую мою жизнь! — так кричал он.

Эдзен Богдо сказал Мангату:

— Отцовское предсказание посмотришь: если не убить, то безнадежно! Материнское предсказание посмотришь: — если не так именно, то безнадежно! — так сказал он.

Пятнадцать голов его он взял и разбросал по-отдельности. Тугие (?) черные косы его он взял и разбросал по рвам. Могущую возвернуть душу его он вручил ламе Бурхан Номун хана;¹ могущую вернуться душу его он передал Эрлик Номун хану.² Мясо его — куча. Кровь его — морем натекла. Он убил и приехал к двум богатырям.

Втроем они поехали по направлению к Бал Тумур хану. Бал Тумур хан охотился в сопровождении своих придворных. Бал Тумур хан спросил тех троих — Эдзена Богдо и двух богатырей:

— Чьи потомки и где родное кочевье? Где кочевье, откуда едете и к кому держите путь?

— Кочевье, откуда едем, находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея целью поездки забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! Родное кочевье находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея главной целью забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! — говорят.

— Ханам не отдам, а вам, чужим скверным бродягам, разве отдам? Ванам не отдам, а вам, ничтожным скверным бродягам, разве отдам? — говорит Бал Тумур хан.

Два богатыря рассердились. Два богатыря так шлепали ладонями Бал Тумур хана, что [валяясь] на траве — он травой стал, на земле — землей стал.

Бал Тумур хан закричал:

— Отдам свою дочку!

Тогда пустили. На следующий день утром, при восходящем красном солнце они отправились к Бал Тумур хану. Он отдал свою дочку. Настал пир-веселье. Бал Тумур хан проводил их до середины [своей] земли и вернулся, а два богатыря и Эдзен Богдо, везя свою царевну, прибыли домой. Настал большой пир-веселье. Мясо ели, не покладая ножей; вино пили, не отставляя чаш. Величиной с гору мяса наготовили; величиной с море вина наготовили. Для любящих жир — утро настало, для любящих мясо — следующий день настал. Настал большой пир-веселье, и в покое и благополучии они блаженствовали! Хорошо стало!

Кончилось!

^{1, 2} Бурхан Номун хан и Эрлик Номун хан — это названия одного и того же божества — судьи мертвых, владыки подземного царства.

Мангату
279-
289.

290
295

улитка
Завоев
калан
300-305
Там-Орат.

315-
318

320-324.

325

326-328

329-334

335

345-
404.
Груда
Белые

5. СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ХАНА И ОЛЁТСКОГО ХАНА

В давнее время жили-были Арайн хан (северный хан) и Убурин хан (южный хан). Были они: северный хан — халха-монгольским ханом, а южный хан — олётским ханом.

Убурин хан убил Арайн хана, убил его семью, забрал его служанку и его жену, забрал двоих из его людей, а остальных всех убил. Затем он прибыл домой. Служанка и жена Арайн хана обе оказались беременными. Убурин хан сказал:

— Если у жены Арайн хана родится мальчик, убью, когда достигнет восемнадцати [лет], до наступления совершеннолетия; если родится девочка — не убью. У служанки хоть мальчик даже родится, хоть девочка родится — не убью! — так говорил он.

Служанка сказала жене Арайн хана:

— Если у тебя родится сын, собирается убить до достижения его [совершеннолетия], если родится девочка — не убьет. А у служанки Арайн хана хоть мальчик, хоть девочка родится — не убью, — говорит!

— Если у меня родится девочка, а у тебя родится мальчик, так мы поменяемся между собою. Если у нас обеих — у тебя и у меня родятся два мальчика, так мы поменяемся между собою! — так сказала она.

Прошло несколько суток, и у обеих родились два мальчика. Они поменялись между собою.

Оба мальчика достигли семнадцати [лет]. Сев верхом на пару коней, они отправлялись к своему скоту и табунам. Страшно хорошие оба юноши-то были.

Так вот, служанка подумала: Теперь приблизилось убийство! — и, будто она пошла собирать топливо-аргал, взвалила на спину корзинку и взяла совок. Оба юноши, съездив к своему табу, возвращались. Служанка отправилась к их приезду им навстречу и сказала, сыну жены Арайн хана сказала:

— [Хан] говорил, что убьет тебя, когда достигнешь восемнадцати [лет], до наступления совершеннолетия. Теперь ты достиг семнадцати! Теперь, если минет один только год, — достигнешь восемнадцати, тогда уж убьет тебя. Лучше если бы ты заранее приготовил дома средство, чтобы не быть убитым! — так сказала она.

Тогда поехали те два юноши, раздумывая:

— А что, если отправиться к человеку, прозываемому Цаган Убгун (белый старик), рожденному управлять северо-восточным материком, и объяснить свои дела и обстоятельства?! — так раздумывали они.

Однажды [сын Арайн хана] отправился на северо-восток к Цагау Убгуну и сказал:

— [Хан] говорит, что убьет меня до того, как я достигну восемнадцати [лет]. Как бы лучше приготовить средство, чтоб не быть мне убитым? — так спросил он.

— Ты возьми двух лучших в табуне коней и хорошенько выдержи их, а завтра утром приведи мне хорошего, лучшего в стаде, кладенного быка. Я приготовлю и дам тебе одну хорошую вещь! Послезавтра рано утром он будет тебя убивать. Послезавтра совсем рано утром ты возьми свое ружье и оседлай коня; позади дома сделай вид, будто спутал ноги своему коню, а ружье свое, обратив его дулом на запад, положи на дверной косяк и сиди дома. Соберется много народа, будет большой пир. Тогда ты выйди, говоря: «отправляюсь к своему табуну!» — На это он скажет: «если тебя сына на пире не будет, то каким образом этот пир может быть пиром?» — Тогда ты быстро выйди со словами: «табун может уйти, а пир не уйдет», — возьми свое ружье и поезжай! Смело удирай сюда! — Сказав такие слова, он отослал.

Тогда тот юноша вернулся домой и отпустил двух хороших, лучших в табуне коней, завязав их языки волосом. Лучшего в стаде кладенного быка он отвел старику и затем вернулся. Утром рано, что называется, он поймал своих двух чубарых коней и за домом сделал вид, будто стреножил им ноги. Свой лук с колчаном он привесил к передней луке седла. Свое ружье, обратив его дулом на запад, он положил на дверной косяк и сидел дома. Затем прибыло множество народа. Настал пир-веселье. Тогда тот юноша, сказав: «отправляюсь к табуну!» собрался выйти. На это отец его сказал:

— Если сына не будет, то каким образом пир может быть пиром?

Тогда тот юноша со словами: — Табун может уйти, а пир не уйдет! — что называется, быстро вышел и убежал на север. За ним погналось множество народа. На пути ему встретилась мать. Раз поцеловав, «руку дай!» сказал юноша; — подала свою руку. Он взял, отрезал ее большой палец и поехал.

Тот самый юноша, с которым они прежде вместе ездили, далеко, позади него один гнался и прибыл.

— Ты возьми моего коня! Кожу на моей шее оттяни и выпусти кровь, обе руки мои и обе ноги мои свяжи, а коня моего с ружьем моим бери и поезжай! Я про себя скажу, что догнал тебя, да не схватил! Меня могут убить, — так ты ружье мое и коня моего бери и поезжай! — так сказал он.

Тогда взял ружье и коня его и поехал.

Вот приехал он к старику.

Старик положил бычьего мяса в бычью околосердечную сумку, заложил внутрь порцию лекарства и отдал ему; наточил складной нож, сделав его таким

острым, что положенный на лезвие волосок перерывался при дуновении, и со словами: «впоследствии тебе понадобится» заложил в его косу и пришил. Старик заседлал своим седлом своего облачно-синего коня и поехал вдвоем со своим юношей. Поехали они на северо-восток.

— Ну! Когда ты эдак на северо-восток будешь ехать, спустя три дня и три ночи езды, если совсем прямо поедешь, на пути твоём покажется приближающийся старик в замшевой, меховой, потертой шубе с подоткнутыми за пояс лапами. После этого появится гора. Когда поедешь, выехав за ту большую гору, покажется хорошенький перевал. Как только перевалишь его, — за ним окажется очень хорошенькая долинка. Поедешь ее серединой — встретится большое углубление; в него можно будет войти и немножко поспать. Когда оттуда ты поедешь дальше, коли закапризничает и неладно задвигается большой чубарый конь, — ты отпустишь его! Зверей, идущих с оглядкой, не убивай, но убивай зверей, идущих прямо-прямохонько. Зверей, находящихся на пути, не объезжай, но, задевая, проезжай! Лишь только ты прибудешь на границу олётских кочевий и халха-монгольских кочевий, тарбаган западной стороны засвистит, а тарбаган восточной стороны закричит. Если так будет, — считай, что приехал на границу обоих кочевий, — сказал старик и поехал обратно.

А юноша едет все дальше. Три дня и три ночи проехал он и видит: приближается старик в замшевой, меховой, потертой шубе с подоткнутыми за пояс лапами. После того появилась гора. Едет он, выехав за ту гору. Показался хорошенький перевал. Переправился он через тот перевал и едет. Юго-восточнее перевала была хорошенькая долинка. И вот, поехал он серединой той долины. Встретилось углубление. Он вошел в то углубление и немножко-немножечко поспал, опираясь на свой кнут. Над краем углубления зашумело множество народа. Тогда старик сказал:

— Молодежь в горах — старики в долах, говорится! Вы ищите в горах, а я поищу в долине!

Все отправились вверх по дальней горе, а тот юноша поехал, убегая все на юго-восток. Он ехал три дня и три ночи. И вот, все приближаясь и оглядываясь, проскакал по направлению на запад барс. Юноша поехал дальше. За барсом быстро-быстро шел зверь, называемый Тумур Мунаи Сулыт (имеющий хвост — железную колотушку). Того [зверя] он застрелил — убил и поехал дальше. Большой чубарый конь его все горячился и капризничал; он отпустил его с вершины высокой горы. [Конь] заржал и отправился обратно. После того юноша сел верхом на своего чубарого коня и поехал дальше, ведя на поводу своего гнедого коня. На пути его остановился и сидел барс. Тогда, намереваясь проехать и задеть его, он подъехал ближе, чтобы задеть. Тот барс внезапно махнул лапой и пошел, ведя за собою. Затем тот барс, ведя за собою, стал

подниматься вверх по одной большой вращательной горе, кружа противоположно [движению солнца]. То была гора того старика: противоположно кружа — восходишь, правильно кружа — нисходишь. Кружа противоположно [солнечному движению] [барс] поднялся и провел, ведя за собою, через одну большую пещеру в скале. Войдя, он отправился в одно красивое место с водою, с озером и сказал: «спи!» [Юноша] расположился стоянкой и заснул. Тот барс взял его коня и ушел. [Юноша] немножко поспал, поспал и встал. Снаружи съехалось множество народа, шумели и говорили:

— Конский след прошел через эту пещеру в скале! — Тогда со словами: «Если войдут через пещеру в скале — я убью!» он взял свое ружье и засел севернее, высматривая через пещеру. Позади него прошел барс и этого юношу-то оттолкнул прочь и вышел. И вот снаружи [переполошились]: «И там и тут барс!» — даже ружья загремели.

Тогда, тогда-то вошел барс и привел его коня. Затем барс вышел, ведя за собою. На вершине горы была повешена маленькая человеческая голова. Тогда тот барс показал человеческую голову — лицо ее — тому юноше и бросил на землю. Так вот, оказалось, то давешнего старика голова была.

— Давешнего старика убили! — сокрушался [юноша].

Затем тот же самый барс повел за собою. Кружа правильно [по движению солнца], он опустился и привел на то место, где были ранее. Затем барс остался позади. Юноша взял и поехал. Юноша поехал на восток в очень далекие земли.

Под восточным склоном одной большой горы, в большой пропасти стоял черный шалаш, подпиравший небо. У дверей его он стреножил своего коня, снял свое седло, к дверям поставил и вошел.

Тогда оказывается: в северной части шалаша большой желтый войлок, в центре его — там большой желтый войлок и в восточной части его большой желтый войлок.

В юго-западной части он прилег, взведя курок своего ружья.

И вот: северный желтый войлок превратился в большое пламя, три желтых войлока превратились в три больших пламени; достигнув среднего пламени, они соединились, и получилось одно большое пламя. Все то прекратилось и обратилось в высокого человека в белой одежде.

Тогда он выстрелил в середину между первым и вторым шейными позвонками того человека — [тот] тихо опустился. Потом он взял и заснул. Утром он проснулся и видит: лежит одна высохшая косточка. Он взял ее, истолок и выбросил. Затем он поехал дальше. Тогда оказались три красивые белые юрты. Он пустил своего коня, внес свое седло в юрту, положил в нее ружье на юрту и вошел. Так вот, в юго-западной части была большая засада. Черная занавеска. Приподняв ее, он поглядел: к стене была привязана дев... имев-

шая обеих грудей. Затем тот юноша уснул там в северо-западной части. Позднехонько пришли два людоеда, неся в охапке застывшего человека — мертвого человека.

— Нежное кушанье спит! — говорили они между собою. Он это слышал и лежал.

— Этого сегодня ли уьем и съедим или утром уьем и съедим?

Один из них говорит: — Сегодня уьем и съедим!

Другой говорит: — Утром уьем и съедим!

И вот ободрали они застывшего человека, сварили и съели. Кости его они обглодали, сложили в корыто и прочь отставили. Каждый из них наточил свою саблю. Давешнего, спящего человека они накрыли человеческой кожей и улеглись на обеих ее сторонах. Каждый положил свою саблю себе под голову и уснул.

Давешний человек стал раздумывать:

— Как это я исподнизу убегу?

Вдруг внезапно он вспомнил о зашитом в его волосах складном ноже. Взял его и расправил и ту человеческую кожу от самого верха до ног взял и раскроил. Затем он встал. Каждого [людоеда] он его собственной саблей, положенною под подушку — под каждой из подушек были — наступив на один конец, другим концом раз-раз придавливал. Головы их покатались — покатались. Затем он уснул на том месте, где и раньше был. Спал, спал, — утром встал. Он освободил давешнюю девицу, положил в обе её груди лекарство от ран, посадил ее на своего коня и поехал на восток. Та девица говорит:

— В нашем хошуне появились два страшно сильные существа, называемые Улан Махачин (красный людоед) длинной реки и Ундур Цаган Читхур (белый дьявол) узкой реки. Наш хошун и богатый хошун, и знатный хошун, и большой хошун был! Людей его оба-то: Улан Махачин — людоед длинной реки и Ундур Цаган Читхур — дьявол узкой реки поели и прикончили! А скот его волки поели и прикончили! Так вот должен был погибнуть хошун! — так ехала и болтала она.

— Наши жили на южном склоне той высокой северной горы. Меня, когда пасла здесь овец, забрал Махачин — людоед длинной реки и привязал тороками через обе мои груди! — так ехала и говорила она. Тот юноша ссадил давешнюю девицу, оставил ее без коня вешую и поехал по направлению к юртам.

Из одной большой белой юрты дым вылетал клубами. Он подъехал и [оставаясь] снаружи закричал:

— [Придержите] собак!¹

¹ Это обычный окрик, которым приезжающий в айль посторонний человек извещает хозяев, чтобы они придержали своих собак.

Вышла старуха, опиравшаяся подбородком о колени.¹

— Где кочевье и куда держишь путь? — спросила она юношу.

Тогда он сказал: — На юго-западе... [пропуск в рассказе]... Так вот, оказывается привязана одна девица, не имеющая обеих грудей. Развизал я ее путы, положил в обе ее груди лекарство от ран, посадил на своего коня и ссадил южнее этого места! — так сказал он.

— Мою дочку, когда она пасла овец, забрал Улан Махачин — людоед длинной реки! — все говорила та чабганца.

— Расскажу-ка своему нойону.² — так все говорила она и на север, на север, ушла на северную сторону горы. Затем вместе со старухой прибыли два-три человека. Та самая старуха-то побежала по направлению к девице, а те люди сказали:

— Вы пожалуйте к нам! Я нойон этого хошуна! Будьте вы нойоном вместо меня — я вам свою джинсу³ отдам!

— Лучше я возьму один самбай, нежели вашу джинсу! — сказал тот юноша.

И вот, не будучи в состоянии упросить его, они поднесли ему один самбай и отравили.

Тот юноша проехал много суток на восток. Выскочили торчком два тарбагана: тарбаган западной стороны засвистел, тарбаган восточной стороны закричал. Тогда он сообразил, что приехал на границу халхаских и олётских кочевий.

Прибыв в халхаские кочевья, он три года искал доброго молодца для дружбы и доброго коня для верховой езды. Минуло три года. Однажды поздно он приехал в один айль и уснул. И вот, в загородь того айля проник вор. Ночью девушки того айля всё приходили и говорили:

— В загородь вор приехал! Как быть?! Что делать!... — всё приходили-говорили и выбежали.

Тогда тот юноша проснулся и говорит:

— Что приехало?

— Вор приехал! В нашу загородь, как настанет ночь, приезжает вор! Приезд его хоть и видим, да отъезд не видим! Такой страшный вор приезжает! — говорят.

Тогда тот юноша поднялся и вышел. Он зарядил свое ружье, взвел его курок и встал. Верхов на большом, толстом белом коне, взваливши двух овец

¹ Выражение, характеризующее древность старухи. Она сгорбилась совсем, так, что подбородок ушел в колени.

² Нойон — князь.

³ Джинса — шарик, который носили прежде на шапке для обозначения чина и достоинства его носителя.

на круп коня, выезжает такой вор и едет на юг. На южной горе он исчез из виду. Тогда девицы говорят:

— Теперь чего не стреляешь?

Он остался совершенно неподвижным.

Тогда: — Вас собаки разорвут! Входите! — говорят

Тогда-то:

— Хозяину без вреда, а на добре его кабы метка отметилась, — нашептал он и пустил пулю ему вслед — давлению вору-то вслед. Затем он взял и уснул. На следующий день он встал очень рано и поехал верхом на своем коне вслед давлению [вору].

На северном склоне той большой горы стоял белый, заседланный конь с простреленными переднею и заднею луками седла: оказывается, человек пешком ушел на юг. Тогда он пошел по следам того пешего человека. [Следы] проникали внутрь одной большой скалы. Он пошел тем следом. [В скале] была белая юрта, подпиравшая небо. Он вошел в нее. [В юрте] оказались большая толстая старуха и старик. Войдя, он сказал:

— Прошло три года, как прибыл я в этот хошун, ища доброго коня для верховой езды и доброго молодца, чтоб подружиться. Если есть у вас добрый сын, — скажите мне!

— Мы имеем одного сына. Тот сын наш находится здесь, на западной стороне. Я тебя проведу! — говорит. Тогда давший юноша пошел за стариком. Старик привел его в одну белую юрту; в северной ее части была постель. [Старик] приоткрыл ее и сбросил одного человека. Внизу обнаружили отверстие и лестница.

— Спускайся через это отверстие! — сказал он. [Юноша] вошел и спустился через то отверстие. Там оказались три юрты. Он вошел в среднюю юрту.

— Где кочевье? Куда едешь? — спросил его один молодец.

— Минувло три года, как я ищу в этом хошуне доброго коня для верховой езды и доброго молодца, чтоб подружиться! Для дружбы вы добрый товарищ — поэтому я и приехал! — говорит.

— Отправился я, чтобы отомстить за отца одному олётскому хану. Можете ли вы мне помочь отомстить за моего отца? — говорит он.

— Можно! — говорит.

Тогда они отправились вдвоем на запад, по направлению к олёткам; каждый верхом на своем добром коне, положив позади себя дорожную суму.

Они истребляли олётскую северную и южную стороны. Когда они оба поехали по северной и по южной стороне, один другому сказал:

— Если ты встретишь женщину без большого пальца, то не убивай!

И вот, поехали они, истребляя, по северной и по южной стороне. Встретилась женщина без большого пальца. Тогда [молодец] забрал ее, запрятал в свою суму и поехал. Оба [юноши] ехали и, прибывши к краю одной большой горы, встретились. [Молодец] высвободил его мать; варили чай, затем они все уснули. Утром встали. Кругом, оказывается, расположилось маленькое войско.

Давешний юноша встал и пошел. Он бродил среди множества воинов. Севернее всех стоял один высокий синий шатер-майхан. Он вошел в него. На каменной лежанке спал воин-богатырь. Он стал высматривать его уязвимое место. Человек был уязвим у начала сердца. Это он высмотрел и пришел домой.

Один человек прошел к воде, неся золотой сосуд. Тогда он побежал к тому человеку и спросил того человека:

— Ты куда идешь? — так спросил он.

— Тот богатырь пробудился, а я омываю его шею водой из этого сосуда! — говорит.

Тогда он убил того человека, надел его одежду, взял его воду и пошел, а когда, придя, стал поливать водой, то вонзил саблю по направлению к началу сердца и бросил. Он прибыл домой и уснул, а тем [войскам] сказал:

— Завтра наш поход будет окончен! Как встанем — каждый разведет небольшой дымок,¹ навьючит свою палатку и поедем! — так сказал он.

Утром встали и навьючили свои палатки. Все сели на своих коней и отправились. Тогда остался там один большой пестрый шатер-майхан. Итак: богатырь умер. Они взяли коня того богатыря, навьючили его палатку и отправились.

Вот прибыли те два юноши домой и дали друг другу имена. Один из них дал имя Шиджир Батор (богатырь червонное золото), а другой — Эрхим Мерген (первенствующий меткий стрелок). Воруящий соседских овец Шиджир Батор! Спасаящийся бегством от народа Эрхим Мерген!

Шиджир Батор отправился путешествовать, а Эрхим Мерген остался дома. Народ шумел:

— Эрхим Мерген и Шиджир Батор! Кто кого одолеет и убьет? — так говорили между собою.

Тогда Эрхим Мерген взял свое ружье и лег на дороге, по которой должен был приехать Шиджир Батор.

Шиджир Батор вошел в паланкин, имевший окна на восьми своих сторонах и приказал восьмерым людям нести себя на перекладинах. Он ехал, положив свое длинное полосатое ружье поперек груди и читая мегдзем.²

¹ Развести небольшой дымок значит развести небольшой костер, наскоро постряпать, наскоро поесть.

² Мегдзем — молитва-гимн Цзонхаве, основоположнику желтошаночной буддийской секты.

И вот [Эрхим Мерген] наметил середину между его первым и вторым шейным позвонками и выстрелил. Тогда голова Шиджир Батора перекувырнулась и упала. Шиджир Батор хотел схватить свою голову и чуть-чуть не схватил. Тогда замок его ружья выстрелил и прострелил макушку шапки Эрхим Мергена. Затем Шиджир Батор умер.

Эрхим Мерген отомстил за мать и отца и стал нойоном. Он был очень грозным нойоном и блаженствовал в покое и благополучии.

6. АРСАЛАН ЦАГАН ХАН

В начале нашей калпы,
В предначертании калпы Майдари,
В начале этой калпы,
В предначертании первоначальной калпы
Жил Арсалан Цаган хан (белый хан-лев).
Он имел драгоценную гору Сумбур,
Воздвигнутую в материнский век.
Он имел золотую гору Сумбур,
Воздвигнутую в отцовский век.

У него был подданный Дансурун, имевший единственного белого коня. Подданный его Дансурун был беден и ничего не имел. Он сел верхом на своего единственного белого коня, взял саженный желтый хадак¹ [и поехал] просить у Шарин Даянчи ламы (созерцателя-ламы желтошапочной буддийской секты) постоянное пропитание.

Ехал он истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника и берегом Великого моря.

Черно-пестрая лягушка и желто-пестрая лягушка вцепились друг в друга. Черно-пестрая лягушка ускакала, прыгнула в море, а желто-пестрая лягушка оборотилась Шарин Даянчи ламой.

— Дай постоянное пропитание! — сказал [Дансурун].

Тогда [Шарин Даянчи лама] сказал так:

— Дам постоянное пропитание, если принесешь ушедшую в море черно-пеструю лягушку!

— Я! Каким образом смогу я принести ушедшую в бездонное море черно-пеструю лягушку? — говорит.

Тогда [Шарин Даянчи лама] сказал так:

— У истока Девятидесятичного родника, у устья Семидесятичного родника, на девяносто трех золотых тополях находятся девяносто три нечистые головы.

Ты принеси их и кинь в море со словами: — иссыхай на гальке и растекайся на черной тине! — Иссохнет на гальке, растечется на черной тине и выскочит-выпрыгнет черно-пестрая лягушка! Закинешь мой золотой аркан — он зацепит и притащит.

Тогда отправился [Дансурун] истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника к девяноста трем золотым тополям. Те, бывшие [там], девяноста три нечистые головы он забрал, принес к морю и кинул со словами:

— Иссыхай на гальке! Растекайся на черной тине! Иссыхая на гальке и растекаясь на черной тине, выскочила-выпрыгнула черно-пестрая лягушка. Он закинул золотой аркан, зацепил и вытащил. Он принес и отдал [лягушку] Шарин Даянчи ламе. Шарин Даянчи лама сказал:

— Отдам [тебе] самую младшую из пяти небесных волшебниц — прекрасную царевну Самъяр Тонгалак (светлую Самъяр). Завтра рано утром ты приляг возле девяноста трех золотых тополей, заberi мой золотой аркан и кинь [его] в самую последнюю из пяти цветных радуг!

И вот кинул он в самую последнюю радугу и притащил прекрасную царевну Самъяр Тонгалак. Затем он посадил ее сундалой на своего единственного белого коня и привез к Шарин Даянчи ламе. Он принес и отдал его золотой аркан и [отправился] по направлению к дому истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника и берегом Великого моря. Он так гнал домой галопом, что врасстяжку [конь летел], он так настегивал, что врасстяжку [конь летел]. Прибыл он к себе домой, посадил [царевну] перед божницею и три ночи и три дня жег огонь и чествовал.

Тогда: — Это что за чудо приключилось? Три ночи и три дня горит огонь у моего подданного! Пойди посмотри! — сказал [хан] и послал своего придворного. Тот придворный сходил, пришел и говорит:

— Ездил [Дансурун] к Шарин Даянчи ламе просить постоянного пропитания. [Тот] дал младшую из пяти небесных волшебниц — прекрасную царевну Самъяр Тонгалак. Он привез ее, посадил перед божницей и три ночи и три дня жег огонь и чествовал!

Тогда сказал придворному:

— Призови!

Придворный отправился и сказал:

— Хан-батюшка говорит и велит, чтоб ты пришел!

Тогда он отправился.

— Ну! Отдашь ли ты свою царевну моему сыну, моему Урденъ Чугум Бодисат Ху (вечный подлинный бодисаттва юноша)? — спрашивает [хан]. — Я дам тебе совершенно белый дворец без вязок и веревок и пять видов скота!

— Ладно! — говорит.

Дал совершенно белый дворец без вязок и веревок и пять видов скота, а царевну его взял и отдал своему сыну. Тогда четыре государственных чиновника и скверный черный старик-привратник зашептали и сговорились:

— Урденъ Чугум Бодисат Ху и прекрасная царевна Самъяр Тонгалак! Одного из этих двоих убьем! — так сговорились они.

Затем скверный черный старик-привратник сказал [хану]:

— Юго-западную часть нашего хошуна захватили враги. Говорят, что, если отправить войско, — не победить, а если твой сын отправится, то победит! — так сказал он.

Так вот. Что касается коня того юноши, то пребывал он на небе, [называясь] Алтан Дугуе Шаргал Мори (красночальный конь — золотая дуга).

[Юноша] взошел на установленный серый холм и помахал рукой и четырежды прокричал, помахал рукой и трижды прокричал.

Конь его прислушался, поедая вершинки трав, прислушался, выпивая прозрачность вод, и прибыл, играя своим хвостом и поднимаясь от своей тени, играя своей головой и поднимаясь от пыли.

Не ловил он укрюком — поймал помощью тонкого разума. Не ловил он [коня] петлей укрюка — поймал помощью хубилганского разума. Уздечку с резными бляхами он приладил к голове его. Десятитысячеланное седло он так вскинул, что шлепнуло. Столанную потфею он приладил к его полному телу. Семидесятиланый кнут он привесил вдоль его лопатки. Солнечное и лунное стремяна по ту и по другую сторону поблескивали. Чепрак [с узором] листьев и луны по ту и по другую сторону он заставил положить. Шестидесят телег-однокошек он установил без промежутков и к одной крайней телеге привязал [коня]. Своей царевне он построил четырехэтажный чугунный байшин, посадил туда и замкнул.

Царевна дала юноше золотое колечко.

Юноша поставил путевое воскурение вне дома; воскурение молитвенного поклонения он поставил в доме; дорожное воскурение он поставил вне дома; молитвенное воскурение он поставил в доме и поехал на юго-запад. Как только голова юноши скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю, вошел и спросил [хана]:

— Пожалеешь ли свой красный кровяной сосуд величиною с нитку, иль пожалеешь свою красную джинсу?

— Жалею свой красный кровяной сосуд! — проговорил [хан], положил свою красную джинсу на престол и убежал.

Тогда зажил [привратник], став войоном, именуемым Гундуном Самбо. Арсалан Цаган хана он сделал скверным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями;

телохранителей он сделал четырьмя государственными чиновниками. На четыре стороны четырехэтажного чугунного байшина он навалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна.

[Царевна] ждала трое суток, пока золотой ганчжир¹ не расплавился, но когда стало невозможно — она отправилась. Она полетела и прибыла к овечьему мальчику Му Боролзою (скверному Боролзою).

— Если Урденъ Чугум Бодисат Ху не умрет, если он приедет, ты скажи: как только голова твоя скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю и вошел, говоря: «пожалеешь ли свой красный кровяной сосуд величиной с нитку, или пожалеешь свою красную джинсу?» — Жалею свой красный кровяной сосуд величиной с нитку! — сказал [хан] и убежал, положив на престол свою красную джинсу, а скверный черный старик-привратник зажил, став нойоном, именуемым Гундуном-Самбо. Он отца твоего сделал скверным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями; телохранителей твоих он сделал четырьмя государственными чиновниками! На четыре стороны четырехэтажного чугунного байшина он навалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна. Я ждала трое суток, пока золотой ганчжир не расплавился. Когда стало невозможно, — я полетела и вот отправляюсь! Если Урденъ Чугум Бодисат Ху проедет здесь, ты скажи, что я сказала, что буду десять месяцев ждать у Шарин Даянчи ламы! — так сказала она.

Так сказала и улетела. После того Урденъ Чугум Бодисат Ху и не умер и не иссох. Он ехал сюда — возвращался. Повстречалось множество рогатого скота.

— Чье стадо-скот? Чьи подданные? — спрашивает он.

— Стадо и скот нойона, именуемого Гундуном Самбо! — говорят.

Затем поехал он дальше. Повстречалось множество овец.

— Ну! Чье стадо-скот? Чьи подданные? — спрашивает.

Тогда говорят:

— Раньше давно были подданными Арсалан Цаган хана, теперь стали подданными нойона, именуемого Гундуном Самбо!

Тогда он спросил:

— Ты ли это овечий мальчик Му Борозой?!

— Он и есть! А вы точно-ли Урденъ Чугум Бодисат Ху? — спрашивает.

— Он и есть! Это что теперь у наших приключилось? — спрашивает он.

— Как только вы, ваша голова скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю, вошел и спрашивает: «пожалеешь ли свой

¹ Ганчжир — медная, золоченая ваза, которая поставляется по середине крыши храма и, при освящении храма, наполняется доверху печатными молитвами.

красный кровяной сосуд величиной с нитку или пожалеешь свою красную джинсу? — «Жалею свой красный кровяной сосуд величиной с нитку»! — сказал [хан] и убежал, положив свою шапку с джинсой на трон. Тогда [привратник] зажил, став нойоном, именуемым Гундуном Самбо. Обоих твоих: отца и мать он сделал рабами рабов, подножием порога, дрянным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями; твоих телохранителей он сделал четырьмя государственными чиновниками! На четыре стороны четырехэтажного чугунного байшина он навалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна. Царевна ждала трое суток, пока не расплавился золотой ганчжир, а когда стало невозможно — улетела. Так-и-так мне рассказала и отправилась со словами: «буду десять месяцев ждать у Шарин Даянча ламы!» — В настоящее время есть ли, нет ли — не знаю! — так сказал он:

— Итак отправляюсь! Отцу и матери моим не говори, — сказал [Урдень Чугум Бодисат Ху] и в тот же момент поехал к Шарин Даянчи ламе. Он прибыл к Шарин Даянчи ламе и спросил:

— Куда отправилась белая царевна Самъяр Тонгалак? — так спросил он.

— Давным-давно отправилась, сказав, что прождет десять месяцев на дереве Арайн Гушиль Зандан (северный кедр-сандал). В настоящее время есть ли, нет ли — не знаю! — говорит [Шарин Даянчи лама].

Тогда поехал [Урдень Чугум Бодисат Ху] к дереву Арайн Гушиль Зандан и прибыл. Оказывается, нет [царевны].

На вершине дерева Арайн Гушиль Зандан было саженное золотое письмо. Он взял его и прочитал.

— Ушла на небо. Не добежать за мной коню с копытами, не долететь рожденной птице. В дальние края ушла! — говорило письмо.

Прочитал он это, сел и заплакал.

— Подтяни подпругу накрепко и поедем! — сказал его конь. И вот, затянул он подпругу накрепко и поехал; затем полетел, поднялся на небо и едет. На небе он подъехал к колодцу с золотой оградой и серебряной колодой, напоил из него своего коня и посиживает.

Тем временем приехала с северо-востока девица в коричневом халате, верхом на коричневом коне. Она держала золотой сосуд.

— А, дитя мое! Этот колодец — как он называется? — спросил он.

— Одна царевна приехала, осквернясь внизу, а это тот колодец, что омывает-очищает ее! — говорит она.

— Я попью воды и отдам! — так сказал он.

Тогда она подала свой золотой сосуд. Он попил воды, бросил в середину золотое колечко и отослал.

Когда она принесла [воду] и стала омывать [царевну], золотое колечко сверкнуло и выскользнуло. Таким образом [царевна] увидела его и спросила:

— Какая служанка ходила сегодня по воду?

— Я! — говорит девица в коричневом халате.

— Не встретился ли тебе сегодня у воды человек, когда ты ходила по воду? — говорит.

— Встретился! Человек гораздо более добродетельный, чем я, если согласишься взглянуть поближе. Человек бесконечно высокодобротельный, если согласишься взглянуть издали!

Тогда [царевна] сказала:

— Призови того человека, если окажется! Пойди приведи того человека! — так сказала она.

Пошла и привела того человека, как было сказано. И вот, оказывается, то именно Урдень Чугум Бодисат Ху и был.

Тогда настал большой пир-веселье.

Прошло трое суток. Он вернулся к своему коню. А конь его чуть не умирает: волосы сбились, кости торчат, глаза провалились.

— Заменявший мне мать в отсутствие моей матери! Заменявший мне отца — в отсутствие моего отца! Конь мой! Алтан Дугуе Шарак! Что случилось?! — так сказал он.

— Что ты думаешь: каково живут твой отец и мать? Если ты не идешь, то я пошел! — говорит [конь].

Тогда Урдень Чугум Бодисат Ху отправился и сказал:

— У коня моего волосы сбились, кости торчат, глаза провалились. Приехал я, не представившись хану-батюшке и ханше-матушке. Я поеду, повидаюсь! — так сказал он и взял да пошел.

[Пирующие] запели очередную красивую песню-напев. Юноша вернулся.

— Садись на тот четырехэтажный чугунный престол на западной стороне! — сказал [хан].

Смысл этого был тот, что он отдавал свою царевну тому, кто удерживался на престоле. Тот юноша прекрасно удержался. [Хан] отдал ему свою царевну и спустил того юношу вдвоем со своею царевной вниз, на дерево Арайн Гушиль Зандан. От дерева Арайн Гушиль Зандан юноша опередил по направлению к дому множество слуг и сказал:

— За мной следом, на местах, где убью марала — полднюйте; на местах где убью маралуху — ночуйте! — так сказал он и поехал.

Приблизившись к своему дому, он запрягал своего коня в свое огниво. Щиколотками он зацепил серый войлок, лодыжками он зацепил желтый войлок и пошел. Нойон, именуемый Гундуном Самбо, вышел помочиться.

— Это что за скверное существо ходит по пещлу? Отгоните прочь! — сказал он.

Подошел один придворный и говорит:

— Тебе приказывает уйти прочь!

Тогда он пошел со словами:

— И с ненавистью нечто идет, и без ненависти нечто идет!

— Что говорит тот дрянной-то?

— Идет ли нечто с ненавистью, идет ли нечто без ненависти! Так говорит!

— Позови его! — говорит.

Пошел [придворный] и говорит:

— Тебя зовет!

Он отправился.

— Ну! Ты куда идешь? — говорит войон, именуемый Гундуном Самбо.

На это он ответил:

— Нет земель, много неисхоженных и невиданных!

Тогда спросил [Гундун Самбо]:

— А не попадался ли тебе умерший и иссохший так называемый Урдень Чугум Бодисат Ху?

— Давным-давно умер! И кости и волосы-то вряд ли остались! — так ответил он.

— Что за благоречивый человек! Садись выше! Приготовьте овцу! Сварите, подайте овечий крестец! — говорит.

И вот, приготовили овцу, сварили овечий крестец и подали. [Урдень Чугум Бодисат Ху] помногу отрезал от обеих сторон и, уронив на землю, взял и отдал отцу и матери — каждому из них. Тогда Гундун Самбо войон сказал:

— Зачем отдал этим двум дрянным рабам?

— Если говорят хану, то вам следует отдать! Если говорят Гасур, Усур,¹ то собакам следует отдать! — отвечает он.

— Что за правдоречивый юноша! Садись выше! Кушай обед! — говорит.

Вот он сел повыше, съел обед и говорит:

— Будет ли мне где поспать?

— Пойди спи у моих рабов! — говорит.

Итак, отправился он к своим отцу и матери. Очень плакали отец и мать его.

— Вы чего? — спрашивает.

Тогда говорят они:

— Утром рано приказывает вставать!

На следующий день утром:

¹ Гасур, Усур — имена собак.

— Рабы рабов! вставайте! — Наше солнце восходит, а ваше заходит! — закричал [Гундун Самбо]. Тот юноша встал и говорит:

— Коли тут — выходи дрянной черный старик-привратник!

В начале своего страха [Гундун Самбо] подскочил и залез в ящик. Жена его вышла и говорит:

— Давным-давно уехал на ящичную войну. И умер и иссох! — Тогда он залез в сундук. Снова вышла и говорит:

— Давным-давно на сундучную войну уехал и, должно быть, исчез!

Тогда вышел [Гундун Самбо].

Вот тут-то и схватил его [Урдень Чугум Бодисат Ху] и засадил в четырехэтажный чугунный байшин. Он привез к четырем стенам четыре телеги камней. Он расплавил, как олово, он довел докрасна и [таким образом] убил. Тем временем прибыла его царевна, и в покое и благополучии они наслаждались.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3—4
Тексты	5—34
1. nèg tō bijēt xojjīr tō saxxālt	5
2. tō allāk šartē ēmgē	6
3. «érter cagtā ēmgē ówgǝ xojjīr in nèg xū...»	8
4. šilī galzū batār, ažīk tēnēk batār, édžē bogdō — tērē gurw ^u ī ulīgēr	11
5. galxā mongōlī xā, ōldēn ^k xī xā dāēdsānī ulīgēr	20
6. arsālā caγā xā	27
Переводы	35—63
1. Ростом с пядь, с бородой в две пяди	35
2. Старуха с быком, имевшим пестрины в пядь	36
3. «В давнее время в одном богатом айле жил сын старика и старухи...»	38
4. Сказание о Шилин Галдзу Баторе, Аджик Тэнэк Баторе и Эдзене Богдо	41
5. Сказание о войне халха-монгольского хана и олётского хана	48
6. Арсалан Цаган хан	56